

которые представляли для авторов исследовательский интерес. Разумеется, эти вопросы были достаточно традиционны для схоластики, а для их исследования использовались тексты Аристотеля и Фомы Аквинского. Такие трактаты принадлежали перу представителей «второй схоластики» — Васкеса, Молины, Толедо, Фонсеки и других теологов и философов. Лучшим из них по праву считается «энциклопедия схоластики» — «Метафизические рассуждения» Суареса. Учитывая ту беспрецедентную роль, которую играла организация, в частности, школа в контрреформационной программе, необходимо подчеркнуть, что «интеллектуальные вершины» второй схоластики непосредственно связаны с новыми принципами преподавания философии и теологии. «Cursus Conibricensis» задал проблемное поле, в котором эти принципы вырабатывались и подтверждали свою дееспособность. И если имена и труды коимбрских схоластиков «поблекли в тени» философской славы их более именитых современников, то переворот в университетской методике обучения, совершенный благодаря таланту, эрудиции, новаторству и трудоспособности португальских иезуитов, задал парадигму университетского образования, ставшего почвой философских открытий Нового времени.



ЧАСТЬ II

СУАРЕС И ЕГО МЕТАФИЗИКА





Глава 4 CURRICULUM VITAE

4.1. DER IST DER MANN!

«Вот это человек!» — таков буквальный перевод немецкой фразы, вынесенной в заголовок раздела. В ней передано уважение к Франсиско Суаресу, которого Хайдеггер (а слова эти были произнесены Мартином Хайдеггером) считал одним из наиболее значительных представителей истории западного мышления¹. Известно, что Хайдеггер подверг разбору метафизическую доктрину Суареса в «Марбургских лекциях» 1927 г. Ей же был посвящен параграф в работе «Основные понятия метафизики», представляющей собой материалы лекционного курса, прочитанного Хайдеггером в 1929/30 учебном году. Оставив за скобками упреки, которые немецкий философ адресуется средневековой метафизике² (а эти упреки относятся и к Суаресу), воспользуемся хайдеггеровской характеристикой, чтобы лучше представить место, которое занимает Суарес в истории мысли. Хайдеггер считает, что Суареса «... следует поставить еще выше Фомы по остроте и самостоятельности постановки проблем»³. Он (Суарес) не только в

¹ «... Мне приходилось слышать, — вспоминал Хавьер Субири, — слова Хайдеггера, что Суарес — это шарнир, на котором философия совершает поворот от средневековой к новоевропейской: “Der ist der Mann! — обычно говорил он”» (*Zubiri X. Presentación // Suárez F. De Anima: En 3 vols. Madrid, 1979–1991. Vol. 1. P. VII.*)

² Имеется в виду «забвение бытия из-за увлечения сущим», т. е. «беспроblemность», «овнешненность», «запутанность» философии, которая скрывает проблему двойственного значения понятия $\varphi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ Аристотеля как сущего в целом и как бытия всего того, что существует. См. об этом: *Хайдеггер М.* 1) Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9; 2) Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Г. Чернякова. СПб., 2001; а также: *Noreña C. G. Heidegger on Suarez: The 1927 Marburg lectures // International philosophical quarterly. 1983. Vol. 23. N 4. P. 407–424; Душин О. Э. «Фундаментальная онтология» М. Хайдеггера и традиция средневековой метафизики // Мартин Хайдеггер и философия XX века. Минск, 1997. С. 31–34; Черняков А. Г. Учение Суареса о сущности и существовании в интерпретации Мартина Хайдеггера // Verbum. Альманах центра изучения средневековой культуры. Вып. 1. Франсиско Суарес и европейская культура XVI–XVII веков. СПб., 1999. С. 25–43.*

³ *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. С. 153.

значительной степени повлиял на дальнейшее развитие католической теологии и философии, но и оказал существенное воздействие на протестантскую схоластику XVI–XVII вв.⁴

Более того, главная заслуга испанского философа состоит в том, что он, занимаясь «систематическим упорядочением» ведущих проблем аристотелевской философии, «... положил начало самостоятельному развитию метафизической проблематики, которая была особенно влиятельна... для зарождающейся философии Нового времени»⁵. Суарес, по мнению Хайдеггера, установил деление философии на части, которое стало традиционным для последующих европейских философов, вплоть до Канта и Гегеля⁶.

Речь здесь идет не только о секуляризации философского знания, характерной для эпохи раннего Нового времени, но и о самостоятельности в постановке и решении основных метафизических вопросов.

Если говорить кратко, то, по мнению Хайдеггера, Суареса отличают:

- ясное понимание (в отличие от средневековых философов) разрозненности книг аристотелевской «Метафизики» и осознание необходимости «исправить», систематизировать обозначенные в них ведущие проблемы;
- самостоятельность суждений, в которых в большей мере присутствуют собственные размышления, чем послушно следующее за текстом комментирование;
- сведение воедино всего комплекса онтологических проблем, которые были восприняты в этой отточенной и завершенной Суаресом форме философами Нового времени, прежде всего Декартом, и, следовательно, близость метафизики Суареса к новоевропейской философии⁷.

Приведенные оценки, на наш взгляд, адекватно отражают суть дела. Добавим, что метафизика Суареса действительно является звеном, обеспечивающим преемственность в истории философии. Суарес не просто «завершил» схоластику, увенчав ее универсальной энциклопедией средневекового рационализма, в которой систематиче-

⁴ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 103.

⁵ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. С. 153.

⁶ «В соответствии с этим членением различаются *metaphysica generalis*, общая онтология, и *metaphysica specialis*, а именно *cosmologia rationalis*, онтология природы, *psychologia rationalis*, онтология духа (*des Geistes*), *theologia rationalis*, онтология Бога. Эта онтология заново воспроизводится в «Критике чистого разума» Канта» (Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 103).

⁷ См.: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. С. 153–154.

ски рассматриваются практически все традиционные и новые, рожденные XVI в., вопросы. Он стал, пожалуй, главным — из представителей второй схоластики — учителем для новоевропейских философов, среди которых в первую очередь мы называем Декарта и Лейбница. На этом стоит остановиться подробнее.

Декарт, как известно из его собственных слов, «никогда не трагил слишком много времени на чтение книг философов»⁸. Более чем сдержанное отношение к «прежней философии» обычно объясняют свойствами его характера, а также почти десятью годами, проведенными им в иезуитской коллегии Ля Флеш⁹, после которых Декарт, не дочитав скучной метафизики, решил заняться изучением «великой книги мира».

Интерес к схоластике проявился у Декарта позднее, в пору его работы над систематическим изложением собственной философии. В 1640 г. он написал Мерсенну о своем желании обратиться к «философии иезуитов»: «Я хотел бы перечитать кое-что из их философии, в которую не заглядывал в течение 20 лет. Хочу понять, нравится ли она мне более чем раньше... Мне бы также хотелось узнать, есть ли сейчас какое-нибудь извлечение всей схоластической философии; это сохранило бы мне время, которое потребуется на прочтение их громадных томов»¹⁰.

Вероятно, одним из компендиумов для Декарта стали «Метафизические рассуждения» («Disputationes metaphysicae») Суареса, которые — два тома in folio — с трудом можно назвать «кратким извлечением»¹¹. Тем не менее, спустя три-четыре года Декарт выступил с «Первоначалами философии» — итоговым очерком собственной доктрины.

⁸ Декарт Р. Ответ на Четвертые возражения // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М., 1989–1994. Т. 2. С. 184.

⁹ См., например: Декарт Р. Рассуждение о методе // Там же. Т. 1. С. 254–255; Асмус В. Ф. Декарт. М., 1956. С. 24–37.

¹⁰ Dutton Blake D. Suarezian foundations of Descartes' ontological argument // The Modern schoolman. Vol. 70. 1993. P. 248.

¹¹ В примечаниях М. А. Гарнцева и В. В. Соколова к «Первоначалам философии» (Декарт Р. Указ. соч. Т. 1. С. 633) говорится, что основным для Декарта стал труд Евстахия, включавший в себя изложение логики, этики, физики и метафизики. Не оспаривая этого утверждения, укажем, однако, на существование параллельных мест и даже определенной стилистической близости между «Первоначалами» Декарта и «Рассуждениями» Суареса, например, в части рассмотрения реальных и модальных различий (см.: Декарт Р. Первоначала философии. Ч. I. § 60–62; Suarez F. Disputationes Metaphysicae. Disp. VII. Sect. 1–7; Dutton Blake D. Op. cit. P. 245–248).

Очевидно, что поиск доказательств, свидетельствующих о влиянии схоластики Суареса на идеи «Первоначал философии» или «Размышлений о первой философии», представляет собой неблагодарное занятие: подобные свидетельства обычно бывают лишь косвенными и к тому же зависящими от пристрастий того, кто их истолковывает. Тем не менее обратим внимание на любопытный момент. Декарт, который отличается крайней скупостью цитирования, в одном месте, отвечая оппоненту по частному вопросу, ссылается на Суареса так, как мы привыкли ссылаться на энциклопедические словари или справочники, постоянно находящиеся под руками¹².

Лейбниц, в отличие от Декарта, более открыто отдавал должное схоластической философии. По его собственным воспоминаниям, в юности он «... жил в... Фонсеке и других схоластиках с не меньшим удовольствием, чем прежде в историках, и достиг того, что читал Суареса с такой легкостью, как читают романы»¹³. Получив изрядную схоластическую подготовку, Лейбниц на протяжении всей жизни сохранял уважение к «наиболее глубокомысленным схоластикам»¹⁴, первым среди которых он считал Суареса. И хотя увлечение схоластикой¹⁵ сменилось увлечением математикой, пустым пространством и физическими атомами, Лейбниц столкнулся с необходимостью метафизики при попытке «углубить принципы механики» и обнаружить истинное единство в изменчивом физическом мире¹⁶.

Несмотря на то что в «Новых опытах...» Лейбница можно встретить нелицеприятные характеристики схоластики («злоупотребление названием науки», «бесполезный хлам»), философ считает необходимым отдать должное своим учителям за «... важные размышления... о непрерывности, бесконечности, случайности, о реальности абстрактных терминов, о происхождении и незаполненности формы, о душе и ее способностях, о соучастии Бога в поступках его творений и т. д.»¹⁷. По мнению Лейбница, следует тщательно просеивать «шлак схоластики» в поисках «крупниц золота», без которых невозможно построение

¹² Декарт Р. Ответ на Четвертые возражения. С. 184.

¹³ См.: Герье В. Лейбниц и его век. СПб., 1882. С. 14.

¹⁴ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М., 1982–1989. Т. 2. С. 441.

¹⁵ Достаточно вспомнить студенческую работу Лейбница «Метафизическое рассуждение о принципе индивидуации» (1663), написанную им под руководством Якоба Томазия в Лейпцигском университете.

¹⁶ См.: Лейбниц Г. В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом // Там же. Т. 1. С. 272.

¹⁷ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении. С. 441.

новой («реальной») метафизики¹⁸.

Э. Жильсон, который по праву считается одним из самых глубоких исследователей философии Фомы Аквинского¹⁹, видит в дальнейшей, после Фомы, эволюции схоластики деградацию, а не развитие, имея в виду, что у томистов позднего Средневековья и Контрреформации единая и цельная в своем истоке традиция распадается на отдельные течения. С. С. Аверинцев, анализируя эту точку зрения, полагает, что Жильсон прав лишь в том смысле, что более раннее всегда выглядит более цельным, единым, незамутненным; но, однако, это единство связано с «хронологическим фактором», с тем, что для Фомы, например, еще не существует некоторых вопросов, которые предстают перед мыслителями XVI столетия²⁰. Мы также обращаем внимание читателя на трехвековой «зазор» между Аквином и второй схоластикой и приводим слова самого Жильсона о Суаресе, которые характеризуют роль последнего в схоластической философии: «По каждому из всевозможных вопросов он (Суарес. — Д. III.), похоже, знает всех и все, а чтение его книги — словно присутствие на судном дне четырех столетий христианской мысли под председательством беспристрастного судьи, готового дать шанс любому, превосходно умеющего подводить итог дела, но, к сожалению, столь страстно желающего не нанести ущерба справедливости, что истинным вердиктом с наибольшей вероятностью становится у него умеренный вердикт»²¹.

В современных исторических и историко-философских исследованиях (особенно выполненных самими иезуитами или при их поддержке)²² Суарес неизменно описывается как наиболее крупный представитель «схоластического ренессанса», «величайший среди иезуитских мыслителей эпохи», «наделенный потрясающей широтой интеллектуальных интересов и необычайной глубиной проникновения в мыслительные проблемы»²³.

Уже при жизни философа его слава была велика; она распространилась далеко за пределы ордена. Суарес, например, получил от папы

¹⁸ Там же.

¹⁹ Жильсон Э. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского // Жильсон Э. Избранное. М.; СПб., 2000. Т. 1.; *Gilson E. La philosophie et la theologie.* Paris, 1960; *Gilson E. Being and some philosophers.* Toronto, 1952.

²⁰ Аверинцев С. С. Между средневековой философией и современной реальностью // Жильсон Э. Избранное. Т. 1. С. 480.

²¹ *Gilson E. Being and some philosophers.* P. 99.

²² *Bangert W. V. A history of the Society of Jesus.* St. Louis, 1986; *Brodrick J. The progress of the Jesuits (1556–1579).* Chicago, 1986; *The Jesuits: cultures, sciences, and the arts, 1540–1773 / Ed. By J. W. O'Malley.* Toronto, 1999.

²³ *Bangert W. V. Op. cit.* P. 114–115.

Павла V титул *доктора превосходного и благочестивого*²⁴, помимо этого, его называли «первым теологом своей эпохи», «папой и монархом всех метафизиков», «вторым святым Августином» и другими почетными именами²⁵. Одно из них — «свет, факел и украшение всей Испании»²⁶ — прямо подводит нас к теме «Суарес и Испания».

В самом деле, интересно, принадлежит ли Суарес испанской культуре, или, быть может, его следует считать «интернациональным», подобно средневековым представителям латинизированной схоластики. Чтобы мы смогли составить представление о том, какое место занимает Суарес в истории национальной мысли, предоставим слово испанцам.

М. Менендес-и-Пелайо (1865–1912), автор первой систематической истории испанской философской мысли²⁷, отвел Суаресу роль одного из создателей «собственно испанской» философской традиции²⁸: «Нет во всей испанской схоластике ни имени более славного, чем имя Суареса, ни более удивительной книги, чем его «Disputationes metaphysicae», в которой глубина онтологического анализа почти достигает предела возможностей, коими обладает человеческий разум. И Суарес — выдающийся психолог в «De anima» — является одним из создателей философии права, науки едва ли не испанской по своему происхождению, которой ему, как Витория, Доминго де Сото, Молине и Бальтасару де Айле, Европа обязана прежде, чем Гроцию или Пуфендорфу»²⁹³⁰.

²⁴ «Doctor eximius et pius» (на русский язык можно также перевести как «доктор преизрядный и благочестивый»). Этот титул был позднее подтвержден церковью и стал официальным для Суареса, как несколькими столетиями ранее официальным для Фомы стал титул «ангелический доктор», а для Дунса Скота — «тонкий доктор». См. об этом в статье о Суаресе в «Европейско-американской энциклопедии» (Suárez F. // Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana. Bilbao; Madrid; Barcelona. T. 57. P. 1412–1418).

²⁵ Suárez F. // Op. cit.

²⁶ «La luz, antorcha y ornamento de toda España». Этот эпитет адресовал Суаресу один из его современников, архиепископ и примаз Португалии (Ibid.).

²⁷ Menéndez y Pelayo M. La ciencia española: En 3 vols. Buenos Aires, 1946. Vol. I. P. 257–260, 267; Vol. III. P. 130–132.

²⁸ См.: Журавлев О. В. Пути и перепутья. Очерки испанской философии XIX–XX вв. СПб., 1992. С. 107.

²⁹ Гроций (Гуго де Гроот, 1583–1645) — голландский юрист, теоретик права; Самуэль Пуфендорф (1632–1634) — немецкий теоретик права. Оба развивали естественно-правовую концепцию, высказывая идеи, близкие базовым принципам философии права Суареса.

³⁰ Menéndez y Pelayo M. Historia de los Heterodoxos españoles: En 6 vols. T. 1. Madrid., 1880. P. 711.

Философия Суареса считается в Испании, во-первых, одной из вершин национального мышления и, во-вторых, вкладом в мировую интеллектуальную культуру. По мнению Х. Л. Абелльяна, биография Суареса «... поразительно близка к биографии Сервантеса (1547–1616), другого великого испанского гения всех времен... Суарес предстает перед нами как завершение всего прошедшего испанского Возрождения и в то же время как мыслитель, открывающий дверь к новым подходам и концепциям»³¹. По мнению Хавьера Субири³², лишь незнание Суареса и незнакомство со схоластикой может привести к мысли, будто новоевропейская философия является абсолютно оригинальной. Влияние Суареса на последнюю огромно: «Суарес, после Аристотеля, — это первая попытка сделать из метафизики свод независимой философской доктрины. С Суаресом она поднимается до уровня самостоятельной и систематической дисциплины»³³. «Метафизические рассуждения» вообще следует расценивать как «энциклопедию схоластики»³⁴.

Суареса называли «очевидной, хотя и отрицаемой основой современного мира»³⁵, «единственным великим схоластиком после Оккама»³⁶, ему посвящали философские конгрессы, сборники трудов, номера журналов. И до, и после юбилейных торжеств 1948 г.³⁷, вплоть

³¹ Abellán J. L. Historia crítica del pensamiento español. P. 606.

³² Хавьер Субири (его воспоминаниями о Хайдеггере мы уже воспользовались в самом начале введения) — один из самых известных философов Испании XX в., значение которого далеко выходит за рамки национальной философии. См. о нем: Яковлева Л. Е. Х. Субири и особенности испанской философской традиции. Йошкар-Ола, 1999; Vegas X. M. Радикальный реализм Хавьера Субири // Verbum. Вып. 5. Образы культуры и стили мышления: иберийский опыт. СПб., 2001. С. 117–163.

³³ Zubiri X. Naturaleza. Historia. Dios. Buenos Aires, 1948. P. 144.

³⁴ Ibid.

³⁵ Arboleya G. E. Francisco Suárez, su situación espiritual, vida y obra. Madrid, 1946. P. 4.

³⁶ Marías J. Historia de la filosofía. Madrid, 1958. P. 203.

³⁷ Всплеск активности, связанный с празднованием 400-летия со дня рождения Суареса (1948), был в самом деле очень мощным. К юбилею — празднованию которого был придан официальный характер — были проведены несколько форумов (например, юбилейные мероприятия в Гранаде, на родине Суареса, конгресс в Барселоне, материалы которого вышли двухтомным изданием: Congreso internacional de filosofía. Barcelona, 4–10 Octubre, 1948. Con motivo del centenario de los filósofos Francisco Suárez y Jaime Balmes. Actas: En 2 vols. Madrid, 1949); были выпущены специальные номера журналов «Razón y Fe», «Pensamiento», «Revista de filosofía», тематические сборники и библиографические указатели. См. об этом: Журавлев О. В., Шмонин Д. В. К 450-летию Фр. Суареса // Verbum. Вып. 1. Франсиско Суарес и европейская культура XVI–XVII вв. СПб., 1999. С. 117–163.

до конца 70-х годов XX в.³⁸, в Испании наблюдался устойчивый интерес к философии и богословию Суареса; справедливости ради заметим, что этот интерес поддерживался официальными властями франкистской Испании³⁹. Тем не менее в последние десятилетия, несмотря на отсутствие специальной правительственной поддержки, философия Суареса постоянно привлекает внимание исследователей⁴⁰, причем не только в Испании, но и за ее пределами. Подтверждением этому является мировая библиография посвященных непосредственно Суаресу монографий и научных статей за последние десятилетия⁴¹, российских публикаций среди которых сравнительно немного⁴².

4.2. ТРУДОМ И МОЛИТВОЙ

Один из первых биографов Суареса весьма торжественно описал историческую обстановку, в которой будущему философу было суждено появиться на свет: «Год 1548 начал отсчет. Церковь находилась под властью папы Юлия III, Общество Иисуса под управлением его основателя, святого Игнатия, испанская монархия — под скипетром Карла V, объединившего в одной упряжке львов и орлов. Именно в тот момент господу было угодно даровать новое солнце этому миру, прославив его рождением Франсиско».⁴³

³⁸О. В. Журавлев приводит следующие цифры: суаристская библиография за 1948–1979 г. составила свыше 750 наименований (см.: Журавлев О. В. Пути и перепутья. С. 116).

³⁹Дело в том, что, считаясь одной из форм собственно пиренейской мыслительной традиции, философия Суареса соответствовала идеям поисков «национальной философской идентичности», свойственным тоталитарному режиму каудильо Франко.

⁴⁰В Саламанкском университете, например, в 1996 г. был проведен международный семинар, посвященный 400-летию выхода в свет «Метафизических рассуждений» Суареса (1597).

⁴¹Мы основываемся на данных электронного каталога, подготовленного испанскими исследователями (<http://www.ulb.ac.be/phil/scholasticon/bibsuarez.htm>), а также на собственных сведениях.

⁴²Почти все они указаны в библиографическом списке в конце нашей книги.

⁴³Слова биографа Бернардо Сартоло, написанные им в 1693 г., приводятся в остающейся и в наше время наиболее полным описанием жизни Суареса книге Пауля де Скоррайля (*De Scorraile R. François Suarez, de la Compagnie de Jésus: En 2 vols. Paris, 1911. P. 13–14*). Испанский перевод этой книги вышел спустя 6 лет: *De Scorraile R. Francisco Suárez, de la Compañia de Jesús: En 2 vols. Barcelona, 1917*. См. также следующие биографические работы: *Fichter J. H. Man of Spain: Francis Suarez. New York, 1940*; *Xavier A. Francisco Suárez en la España*

Оставляя в стороне всевозможные знамения и свидетельства, предрекавшие новорожденному устами официальных биографов славное будущее защитника церкви и выдающегося мыслителя, обратимся к некоторым фактам, которые позволят нам лучше понять Суареса и его философию.

Итак, Суарес родился 5 января 1548 г. в Гранаде, в Андалусии, которая лишь за полвека до того была освобождена от мавров и стала провинцией Испанского королевства. Он рос в одной из самых знатных и уважаемых семей Гранады. Предки Суареса были известны с XI в. и возвысились во время Реконксты. Один из них, граф Муньо Адефонсо, служил тому же королю и в том же войске, что и герой эпоса Сид Кампеадор. Граф Адефонсо был одним из признанных полководцев в войске короля Кастилии и Леона Фернандо I, постоянно воевавшего как с арабами, так и со своими братьями, христианскими монархами. Сыну графа, Альфонсо Муньосу, за преданность и отвагу при освобождении Толедо было пожаловано поместье Ахофрин и почетное прибавление к титулу «Толедский» («de Toledo»). С тех пор Толедо стал родным местом для Суаресов. Известно имя Муньо Альфонсо, сына Альфонсо Муньоса, который, подобно отцу и деду, был одним из лучших воинов и погиб в сражении.

При шестом владельце поместья Ахофрин, Перо Руисе, на фамильном гербе Суаресов де Толедо появились два серебряных креста на небесно-голубом фоне. Считается, что во время битвы с маврами Руис увидел знамение — крест на небе — и с разрешения короля запечатлел этот знак на гербе⁴⁴, который гордо несли представители славного рода.

Прямыми предками Франсиско Суареса в XV в. были Педро Лопес, главный казначей дона Хуана, отца Фердинанда Арагонского; Алонсо Суарес (прадед Франсиско), офицер армии дона Энрике, брата Изабеллы Кастильской; Алонсо де Толедо (дед Франсиско), состоявший на службе у «их католических величеств» Изабеллы и Фердинанда во время завершающего этапа Реконксты. При осаде Гранады, столицы последнего халифата на Пиренейском полуострове, он, занимая долж-

de su epoca. Barcelona, 1993; *Duenas J. de. Los Suárez de Toledo // Razón y Fe. 1948. Número extraordinario. P. 91–110*; *Gracia J. J. E. Francisco Suárez: The Man in History // American Catholic Philosophical Quarterly. 1991. Vol. 55. P. 259–266*; *Doyle J. P. Suárez — The Man, His Work and His Influence // Suárez F. Disputation LIV / Trans. J. P. Doyle. Milwaukee, 1995. P. 1–15*.

⁴⁴Герб семьи, составленный по канонам геральдической науки, помимо двух крестов на голубом фоне (слева вверху и справа внизу) содержал в остальных двух четвертях пурпурные изображения стен замка на золотом фоне.

ность мажордома королевского двора, не только доказал личную преданность монархической чете, но и продемонстрировал прекрасные организаторские способности. Источники умалчивают, в чем именно заключались услуги, которые он сумел оказать Фердинанду и Изабелле, но размеры королевской благодарности впечатляют. После капитуляции города в январе 1492 г. дон Алонсо получил в наследственное владение дома, виноградники, оливковые рощи и другие сельскохозяйственные угодья, а также иное имущество, ранее принадлежавшее богатому мавританскому семейству. Этот щедрый королевский дар стал веской причиной для переезда семейства Суаресов из Толедо в Гранаду. Не менее серьезной причиной стало назначение дона Алонсо на две важные, доходные, но весьма хлопотные должности: он стал квартирмейстером и военным казначеем испанских войск, размещенных в Андалусийской провинции. Позднее к этим должностям добавилась еще одна: император и король Карл V поручил дону Алонсо управление дворцовым комплексом Альгамбры, неподалеку от Гранады. По выражению одного из исследователей, дед Франсиско Суареса был настолько же деятельным и успешным физически, насколько его внук — интеллектуально⁴⁵. Во всяком случае, при постоянных разъездах и занятости Алонсо де Толедо смог стать любящим отцом троих сыновей. Судьбы их были различны, но типичны для испанских благородных семейств. Если в семье было три сына, то наиболее достойным считалось, чтобы один из них посвятил свою жизнь Богу, второй — королю, а третий — семье.

Дом Алонсо де Толедо последовал этой традиции: Хуан вступил во францисканский орден, второй сын, Бальтасар, избрал военную карьеру и в чине офицера воевал в Оране, на северо-западном побережье Африки, и в Наварре, небольшом горном королевстве в Пиренеях, которое стремилась поглотить Испания. О третьем, Гаспаре, следует сказать подробнее, поскольку именно ему было суждено стать отцом Франсиско Суареса.

Дон Гаспар Суарес де Толедо родился в 1500 г., вырос в родном доме и унаследовал титул и состояние дона Алонсо. Выбрав карьеру юриста, он стал уважаемым адвокатом и нотариусом. Нет ничего удивительного в том, что его женой стала девушка из одного из лучших домов Гранады — донья Антония Васкес де Утьел. Юридическая практика дона Гаспара приносила семье серьезный доход, а сам характер работы — участие в гражданских и уголовных делах между

⁴⁵ *Fichter J.H.* Op. cit. P. 24.

жителями Гранады, среди которых, наряду с христианами, оставалось много мусульман, — заставлял его быть осторожным и склонял к веротерпимости. Будучи человеком справедливым, дон Гаспар (как свидетельствуют современники) обдумывал каждый случай дважды. Заметим, что подобные качества мы находим у его сына Франсиско, тяготевшего к тщательному, неспешному размышлению и взвешиванию всех «за» и «против», прежде чем принять какое-либо решение. Заметим также, что дон Гаспар, не будучи теологом (имея, однако, за плечами университетские курсы философии, богословия и права), передал своим детям скромность, почтение к религии и уважение к наукам.

Следует сказать, что в семье дона Гаспара, где было восемь детей, «баланс профессий» нарушился. Из четверых сыновей один умер в раннем возрасте, один остался в родном доме и двое — Хуан и Франсиско — склонялись к служению Богу.

Франсиско был вторым ребенком в семье. По обычаям того времени дети воспитывались достаточно строго, но не сурово. Они росли в атмосфере большого городского дома зимой и загородной виллы — летом. Основным, если можно так сказать, «официальным источником информации» о том, что творится вокруг, был отец. В доме бывали разные люди — королевские чиновники и офицеры, священнослужители, клиенты отца, многочисленные родственники, служившие в армии и во флоте, бывавшие в заморских провинциях и много рассказывавшие о событиях в окружающем мире.

Образование, которое получил Франсиско в детские годы, можно считать основательным. Вместе с братьями он посещал начальные классы в Гранадском университете и к тринадцати годам в совершенстве овладел латинским языком, сформировав собственный стиль письма, сохранившийся на всю жизнь. Некоторые исследователи называют этот стиль педантичным, аккуратным, другие (более пристрастные, с нашей точки зрения) — элегантным, изящным. Во всяком случае, тексты Суареса оказываются вполне читаемыми и достаточно понятными даже в наши дни. Помимо латинской грамматики Франсиско изучал риторику, входившую в «тривиальную» программу обучения⁴⁶.

Нужно заметить, что учеба давалась мальчику с большим трудом. Он вынужден был тратить часы, чтобы выучить то, что его брат Хуан,

⁴⁶ Напомним, что в тривиум, т. е. в программу первого уровня обучения, согласно средневековой традиции, входили грамматика, риторика и диалектика (логика). В составе квадриума были арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

считавшийся самым одаренным в классе, схватывал на лету. Родители, дон Гаспар и донья Антония, наблюдавшие за развитием своих детей, склонялись к мысли, что Франсиско вряд ли достигнет больших высот в карьере. Они готовили его к религиозной жизни, полагая, что из него, тем не менее, может получиться неплохой священник. К такому же мнению склонялись их родственники (как по линии матери, так и по линии отца).

Была и материальная причина, оказавшая влияние на выбор родителей. Когда Франсиско исполнилось десять лет, он получил (благодаря другу семьи, архиепископу Гранады) небольшую бенефицию, собственный доход, который причитался ему в случае избрания церковной карьеры.

Важно, что мысли родителей относительно будущего их сына были созвучны настроению самого Франсиско. Он не просто склонялся к духовной жизни, он жаждал ее. Более того, мальчик внимательно прислушивался к разговорам об иезуитах, деятельность которых неоднозначно оценивалась в Гранаде. Сильное впечатление произвел на Франсиско бывавший в доме андалусийский супериор иезуитов Педро Наварро. Однако настоящий переворот в мировоззрении Франсиско произошел после того, как он услышал блестящие проповеди иезуита Хуана Рамиреса, приехавшего в Гранаду для объяснения доктрины Игнасио Лойолы. Рамирес очень живо, образно и логично описывал цели Общества Иисуса, которые в общем сводились к возрождению интеллектуальной и духовной силы католицизма, рассказывал об устройстве ордена и о жизни братьев, о миссиях и коллегиях ордена. Суарес был очарован его проповедями и рассказами. Более того, он всерьез увлекся идеями иезуитов, полагавших, что только святость и интеллект, созерцание и действие, образованность каждого иезуита и могучая воля общества как единого организма могут обеспечить католической вере процветание.

Вскоре, осенью 1561 г., судьба Франсиско и его брата Хуана определилась. Родные сочли, что они готовы к тому, чтобы вступить на самостоятельный путь. Отец принял решение отправить сыновей для продолжения образования в Саламанку. И это не был случайный выбор.

Следует сказать, что в начале 60-х годов университетское образование в Испании (и в Португалии) переживало подъем, который был особенно заметным в университетах Алкалы-де-Энарес, Коимбры и Саламанки.

Саламанкский университет, основанный в начале XIII в., был наи-

более древним и именитым и входил в десятку ведущих университетов Европы. Достаточно сказать, что в его аудиториях учились Сервантес, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерон, Кеведо, из его стен вышли такие религиозные деятели, богословы и философы, как Игнасио Лойола, Мельчор Кано, Хуан Мариана. Основанный в 1212 г. королем Леона Альфонсо IX, университет неизменно пользовался поддержкой монархов. В XV в. новый импульс его развитию придал папа Бенедикт XIII⁴⁷, а также Фердинанд и Изабелла, существенно помогавшие университету деньгами и обеспечивавшие ему необходимые привилегии. Можно сказать, что их католические величества действовали в русле традиции, согласно которой испанские монархи даже в худшие для страны годы стремились поддерживать университеты, видя в них будущее страны и отстаивая национальный и королевский престиж⁴⁸.

В тот год, когда двое братьев Суаресов отправились в Саламанку, старинный университет находился в расцвете, оправдывая свой девиз: «Первая во всех науках Саламанка учит»⁴⁹. В стенах его 43 коллегий учились около 6800 студентов; при университете находились 38 монастырей и монастырских домов различных орденов и конгрегаций⁵⁰.

Два брата, старшему из которых, Хуану, было около пятнадцати лет, а младшему, Франсиско, тринадцать с половиной, выехали из дома на одном муле серой масти. Тот же мул и привез их в Саламанку. Интересно, что дон Гаспар отправил Хуана и Франсиско в Саламанкский университет, чтобы они учили право, рассудив, что право должно быть основой для деятельности в любой области. Тем самым он давал им возможность оглядеться, оставляя за ними определенную свободу в выборе жизненного пути. Итак, в ноябре 1561 г. Хуан записался на курс гражданского, а Франсиско — на курс канонического, т. е. церковного, права. Известно, что спустя год или полтора старший брат покинул Саламанку и вернулся домой, чтобы продолжить образование в Гранадском университете. Что же касается Суареса, то,

⁴⁷ «Схизматический папа» Бенедикт XIII (1394–1417), кардинал Педро де Луна, избранный в Авиньоне, не признаваемый Францией, низложенный двумя соборами, вынужден был оставить папский престол и поселиться на родине, в Испании. Тем не менее, его вклад в развитие университета в Саламанке оказался весьма весомым.

⁴⁸ Gomez Robledo I. El origen del poder político según Francisco Suárez. Mexico, 1948. P. 40–41.

⁴⁹ «Princeps omnium scientiarum Salamanca docet».

⁵⁰ Для сравнения заметим, что в лучшие годы университет в Алкале не имел и трети от числа саламанкских студентов (Gomez Robledo I. Op. cit. P. 40; Fichter J. H. Op. cit. P. 37–41).

с трудом выдержав вступительные экзамены, он в течение трех лет упорно «учил каноны», прежде чем решился предпринять попытку вступления в орден иезуитов. Этому серьезному решению способствовали не только убеждения, сформированные Суаресом в детстве, но и атмосфера духовного подъема, царившая в те годы в университете. Дело в том, что, хотя Общество Иисуса не имело в Саламанке собственной коллегии⁵¹, блестящие проповеди иезуитов, богословские дискуссии, в которых иезуиты часто оказывались победителями, активное участие в университетской жизни заметно влияли на студентов. Суарес вновь встретился в Саламанке с отцом Хуаном Рамиресом и вновь был увлечен его идеями⁵².

Решив посвятить себя служению Богу, Суарес избирает лучший, по его мнению, путь для этого, а именно вступление в орден, прямо провозгласивший весьма амбициозную цель — восстановление некогда утраченного интеллектуального уровня католической церкви «к вящей славе божьей». Следует сказать, что этот путь был заведомо самым трудным. Только очень серьезно настроенные люди, стремившиеся не просто служить церкви, но реформировать ее изнутри, не только учиться и учить, но менять сами принципы образования, задумывались о вступлении в Общество. Строгость жизни иезуитов, абсолютное повиновение старшим, готовность служить всюду, где только это может понадобиться ордену, и в том качестве, в котором это будет необходимо, соблюдение множества других правил требовали, с одной стороны, полного самоотречения, а с другой — заставляли иерархов ордена подвергать желающих самому строгому отбору.

Итак, Суарес, который (особенно если учесть его происхождение и обеспеченность) мог поступить в любой другой орден или монастырь, решил добиваться чести быть членом братства Иисуса.

Ректор иезуитского дома в Саламанке отец Бартоломе Фернандес допустил к испытаниям пятьдесят молодых людей. Отказать в приеме пришлось лишь одному — Суаресу. Из трех основных критериев, которыми руководствовались экзаменаторы, Суарес удовлетворял только первому — моральной чистоте. Он не имел порочных привычек и иных препятствий такого рода. Что же касалось остальных критериев: интеллектуального и физического развития (ведь иезуит должен

⁵¹Иезуитская коллегия в Саламанке появилась лишь в 1595 г.

⁵²В частности, речь шла о том, что в наши дни называется «гуманизацией и гуманитаризацией образования». Иезуиты, и Рамирес в частности, предлагали большее внимание уделять гуманитарным дисциплинам, изучению античной классики, по возможности индивидуально подходить к учащимся.

быть крепок духом, т. е. умом и волей, а также телом), — то уравновешенный и скромный юноша поразил отцов-иезуитов своей крайней неразвитостью. Отец Фернандес с сожалением сообщил Суаресу, что тот совершенно не обладает качествами, нужными будущему novice или семинаристу.

Как выяснилось вскоре, отец ректор ошибался, полагая, что кандидат слаб духом и телом. Поскольку после такого решения оставаться в Саламанке было для Суареса невозможно, он отправился в Вальядолид, где находилась резиденция отца Хуана Суареса, только что назначенного руководить вновь созданной иезуитской провинцией. Провинциал, к которому направился Суарес, не являлся его родственником. Это было простое совпадение фамилий. Тем не менее он выслушал просьбу молодого человека и попросил экзаменаторов в Вальядолиде провести испытание еще раз. Выводы беседовавших с кандидатом полностью совпали с заключением саламанкских иезуитов: неразвитый ум и слабое здоровье делают юношу негодным к вступлению в орден.

Однако Франсиско проявляет поразительное упорство. Он остается в Вальядолиде и в течение нескольких дней стоит у входа в резиденцию провинциала, не давая забыть о своем деле. И Хуан Суарес принимает решение, которое определит судьбу молодого человека. Понимая, что для потомка одного из лучших родов Испании невозможно вернуться в Саламанку без положительного решения, а отправиться домой — значит навлечь на себя позор, он решает, что столь упрямое желание должно быть вознаграждено: отец Суарес пишет письмо в Саламанку, в котором настоятельно просит отца Фернандеса дать молодому человеку шанс.

И вновь юноша на муле въезжает в Саламанку. Он так спешит, что даже не заезжает домой в Гранаду, хотя знает, что, став novice, он должен быть готов к любому повороту в своей жизни. Он смиренно надеется выдержать любые трудности, ожидающие его впереди. И хотя отец Фернандес сильно сомневается в том, что юноша принесет ордену большую пользу, решение провинциала, хотя бы и изложенное в форме просьбы, подлежит безусловному исполнению.

Настойчивость Суареса приносит свои плоды: 16 июня 1564 г. его принимают в иезуитской резиденции, а в специальной грамоте, датированной 28 июня 1564 г. и подписанной ректором Фернандесом, говорится, что Суарес вступает в орден в качестве novice с отказом от собственного имущества и дохода. Под этой припиской Франсиско Суарес ставит свою аккуратную подпись.

Вступление в орден знаменовало лишь первый шаг на пути духовного и интеллектуального восхождения Суареса. Более того, направление этого пути не было очевидным. Дело в том, что при принятии в орден иерархи оценивали нравственные, интеллектуальные и физические качества кандидатов для того, чтобы сразу наметить перспективы будущих иезуитов. Как правило, вновь принятых делили на две группы: в первую включали более склонных и подготовленных к священнической и преподавательской деятельности, во вторую же определяли тех, которые, получив статус «братьев», займут хозяйственные должности, станут выполнять административные поручения, помогать в священнослужении и вести тому подобную работу. Для последних, после шестимесячного предварительного послушания, был обязателен новициат (послушничество), в ходе которого братья предавались духовным упражнениям⁵³ и изучению гуманитарных наук («свободных искусств»). Послушничество завершалось принятием так называемых «простых обетов»: бедности, целомудрия, послушания.

Для тех, кто готовил себя к священству или преподаванию, путь был более трудным, многоступенчатым и, как правило, занимал не менее десяти лет. После предварительного послушничества, в ходе которого вновь принятый в Общество иезуит изучал «Конституции» ордена⁵⁴, следовал новициат с теми же духовными упражнениями, изучением «свободных искусств» и «простыми обетами» по завершении курса. Но на этом обучение не заканчивалось. Следующим этапом был юниорат, включавший изучение философии в университетских, не обязательно иезуитских, коллегиях. Затем следовали несколько лет проповедничества или преподавательской работы; рукоположение в священнический сан; изучение богословия, к чему нередко добавлялись право, языки, математика (причем как по теологии, так и по

⁵³В основе этих упражнений лежит разработанная Лойолой система нравственного совершенствования. «Под именем духовных упражнений, – говорит Лойола, – разумеется всякий способ испытания совести, размышления, созерцания, молитвы словесной и мысленной и других духовных действий. . . Ибо как телесным упражнением являются: гуляние, хождение, бегание, так и всякий способ, каким душа готовится и располагается для своего освобождения от всех неупорядоченных влечений и, коль скоро они будут уничтожены, для поиска и обретения воли божьей относительно устройства своей жизни и для спасения своей души, называется *духовным упражнением*» (Лойола И. Духовные упражнения. См. Приложения в кн.: Андреев А. П. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX в. М., 1998. С. 118).

⁵⁴Loyola I. The Constitutions of the Society of Jesus / Translated, with introduction and commentary by G. E. Ganss. St. Louis, 1970.

философии братья нередко получали магистерские и докторские степени). После этого обычно шел год высшей подготовки, «третий» уровень («tertius», поэтому иезуитов, находящихся на этой стадии, называли терциариями) и, наконец, торжественные обеты и обет послушания папе, после которого иезуит становился полноправным членом Общества, абсолютно послушным любому предписанию не только понтифика, но и иерархов ордена во главе с его генералом. Говоря словами Лойолы, иезуит должен был уподобиться «посоху в руках старца»⁵⁵.

Следует заметить, однако, что разработанная иезуитами «программа подготовки кадров»⁵⁶, при кажущейся громоздкости, была весьма гибкой. Она учитывала и уровень образования, и социальный статус, и способности поступавших в орден братьев. Это было большим преимуществом иезуитского образования; одним из примеров успешности такой системы стал Суарес.

Суарес, как это и было положено, начал с низшей ступени в иерархии ордена, получив статус новиция, не имеющего отличий («indifferens»). Ему ничего не обещали, за исключением кельи и права «жить для господа вместе с другими братьями». Другими словами, было неясно, к какой из двух групп послушников Суарес будет причислен. Для прохождения предварительного послушничества Суареса отправили в город Медина дель Кампо неподалеку от Саламанки, где в резиденции Общества он провел около четырех месяцев, знакомясь с порядком жизни ордена.

Удачей для него было то, что посетившему резиденцию провинциалу Хуану Суаресу (который сыграл столь важную роль в жизни

⁵⁵Четвертый обет символизировал особенное («великое») смирение ордена вообще и полное самоотречение каждого иезуита в отдельности. Это было торжественное, публичное обещание немедленно и безответно повиноваться всему, что прикажет папа. С момента принесения обета иезуит провозглашал себя христовым воином, «никогда не оставляющим своего меча» и готовым к любым миссиям и заданиям во славу церкви и для распространения религии.

⁵⁶В программе 60-х годов XVI в. уже угадывались контуры внушительного памятника педагогической мысли иезуитов – «Ratio Studiorum», представившего собой свод учебных планов и подробных инструкций для преподавателей и учащихся иезуитских школы и университетов. Эта работа иезуитов привела к созданию весьма успешной системы образования, акцент в которой делался на формирование интеллектуальной и духовной элиты во всех слоях общества (Ratio Studiorum et Institutiones scholasticae Societatis Jesu. Т. 1–4 // Monumenta Germaniae Paedagogica. В. 2, 5, 9, 16. Berlin, 1887–1894; см. об этом также: Шмонин Д. В. «Ratio Studiorum» и парадоксы иезуитского образования // Записки Горного института. СПб., 2002. Т. 152. С. 266–268).

молодого человека) Франсиско был представлен в числе «среднеуспевающих» послушников. Последнее, а также просьбы самого Суареса, мечтавшего стать священником, сыграли свою роль. В октябре 1564 г. Суарес вновь возвращается в Саламанку, и, поскольку до этого он в течение трех лет изучал право и гуманитарные науки, его определяют на философский факультет.

Разумеется, учеба в университете составляет лишь часть его занятий; основной задачей становится духовное самосовершенствование, предписанное иезуитам Лойолой. Религиозная жизнь Суареса находится на попечении его духовных наставников: Альфонсо Родригеса, Бартоломе Фернандеса, Мартина Гутьерреса и старого друга Суареса, знакомого ему еще по жизни в Гранаде, Хуана Рамиреса. Заметим, что о лучших духовных наставниках молодому иезуиту трудно было мечтать. Они помогли (каждый по-своему и в разное время, поскольку их служба не ограничивалась Саламанкой) Суаресу сохранить уверенность в правильности избранного пути, особенно в минуты, когда он наиболее остро чувствовал свою неспособность к занятиям.

В самом деле, учеба в университете приводила Суареса в уныние. Курс философии Аристотеля был слишком сложен для него. Он не справлялся с заданиями, не успевал охватить материал, читавшийся лектором, не мог участвовать в студенческих диспутах, в общем, был самым слабым учащимся в классе⁵⁷. Нужно сказать, что его профессор, отец Андрес Мартинес, был исключением среди университетских преподавателей, которые любят обычно только сильных студентов. Нередко он сам объяснял Суаресу наиболее трудные места в текстах Аристотеля и Фомы, а также назначил ему в репетиторы прекрасно успевающего студента, попросив того в вечернее время повторять с Суаресом весь материал, пройденный за день. Известно, что однажды Суарес обратился к отцу Гутьерресу за советом. Он всерьез раздумывал над собственным будущим. С одной стороны, он хотел быть священником, причем не мыслил себе жизни вне Общества Иисуса. С другой стороны, крайне низкая академическая успеваемость не давала ему возможности даже думать об успешной карьере в ордене, где основой для продвижения были активность и интеллект. Совет мудрого иезуита был внешне прост: вернуться к книгам и при этом молиться не только Богу, но и пресвятой деве Марии. Гутьеррес напомнил Суаресу старый принцип: «Ora et labora»⁵⁸. Труд и молитва —

⁵⁷Нередко исследователи даже проводят параллель с успеваемостью Фомы Аквинского, как известно, получившего позорную кличку «тупоголовый бык».

⁵⁸Молись и трудись (лат.)

вот что должно было прояснить его будущее.

Исследователи по-разному объясняют произошедшую с Суаресом метаморфозу, напоминая сказочный сюжет о превращении гадкого утенка в прекрасного лебедя. В трудах агиографического толка рассказывается о внезапной перемене, случившейся в один день. Суарес, как обычно, после занятий пошел в комнату к своему репетитору; тот после объяснения трудных мест попросил повторить материал, и Суарес, который всегда путался и сбивался в пересказе самых простых вещей, вдруг изложил всю тему с такой ясностью и точностью, что поверг своего учителя в изумление. Более того, за этим последовал рассказ о том, что профессор опустил на лекции, и анализ трудностей, о которых в курсе даже не упоминалось. В общем, это была речь не слабого студента, а преподавателя, читавшего лекцию.

Трудно судить, насколько большую роль в этом превращении сыграли молитвы, которые ежедневно возносил Богородице Суарес, и столь ли одномоментным был описанный переход. Суарес страстно желал достичь в изучении философии уровня своих товарищей и постепенно выработал собственную методику подготовки к занятиям. Он старался прочитывать материал лекции еще до того, как слышал ее от профессора. Более того, он заставлял себя знакомиться с источниками, на которые ссылался лектор, самостоятельно сопоставляя мнения философов и анализируя выводы, следовавшие из дискуссии. Другими словами, в неспособном студенте, который продолжал казаться несообразительным в классе и не готовым к быстрой реакции на встречный вопрос во время диспута, обнаружились качества основательного и глубокого исследователя, умеющего работать с текстом.

Эта перемена произошла в 1565 г. В семнадцать лет Суарес был последним учеником в классе, а год спустя, в августе 1566 г., принимая три «простых обета», он точно знал, что не станет обузой для Общества.

В последующие четыре года, с 1566 по 1570, когда Суарес изучал курс теологии, демонстрируя заметные успехи, в жизни Испании назревали существенные изменения. Нарастало напряжение внутри огромной империи и вокруг нее: монархия Филиппа II вступила в борьбу со склонными к мятежу нидерландскими провинциями⁵⁹, продолжала экспансию в Италии, вмешательство во внутривосточную и религиозную ситуацию во Франции, фактически завершила конкисту Центральной, большей части Южной и части Северной Америки.

⁵⁹См.: История Европы: В 8 т. Т. 3: От Средневековья к Новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). М., 1993. С. 187–196.

ки⁶⁰. По сути дела, эти годы, как и одно-два последующих десятилетия, стали пиком активности, точкой наивысшего роста испанского государства, после которого вместе с консервацией проблем и противоречий в экономической и социальной жизни медленно начался необратимый процесс упадка.

В те же годы католическая церковь, которую возглавил папа Пий V, усиливала «перестройку крепкого здания», т. е. внутреннюю реформу церкви, что требовало развития католической доктрины. Эту работу, как мы уже говорили выше, возглавили доминиканские доктора, с которых началась вторая схоластика, вершиной которой суждено было спустя два десятилетия стать Суаресу.

Тем временем в семье Суаресов произошли печальные события. В 1567 г. умерла донья Антония, а спустя три года скончался и дон Гаспар. Суарес с разрешения ректора прервал занятия и осенью 1570 г. приехал в Гранаду, чтобы уладить имущественные дела. При этом он проявил себя как скромный и разумный человек. Основная часть наследства по взаимному согласию перешла старшему брату Хуану, который становился главным в роду Суаресов; при помощи Франсиско сестры были устроены в монастырь св. Павла, а младшего брата, Гаспара, которому было около двенадцати, он взял с собой в Саламанку и определил в одну из коллегий. Все это было важными и непростыми делами, потому что в последние годы жизни отца материальное положение семьи заметно ухудшилось. Взвешенные решения Франсиско оказались оптимальными для сохранения достоинства благородного рода. Ректор иезуитов в Гранаде, наблюдавший за тем, как ведет себя Суарес, отметил безупречную скромность и благоразумие, с которыми Суарес действовал при разрешении домашних проблем⁶¹.

Следует сказать, что блестящие академические успехи и духовный прогресс Суареса не раз становились предметом обсуждения между иерархами ордена. Не более года (после завершения своих печальных дел дома) провел он в Саламанке, продолжая изучать богословие, как вдруг ему последовало указание отправиться в Сеговию для преподавания философии в недавно открывшейся иезуитской коллегии. Нужно заметить, что это решение, согласованное с генералом орде-

⁶⁰ Указ. соч. С. 228–235; см. также: *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании: В 2 т. М., 1951. Т. 2; *Прескотт В.* История царствования Филиппа II, короля испанского: В 2 т. СПб., 1858. Т. 2.

⁶¹ Заметим, что для Общества Суарес взял лишь 400 дукатов из причитавшейся ему части наследства, передав остальное Хуану, который был семейным человеком и становился хранителем родительского дома.

на Франсиско Боржиа, стало не только экстраординарным событием в жизни самого Суареса, но и исключительным в масштабах ордена, поскольку нарушало порядок, установленный Лойолой⁶². Нужно заметить, что в аттестации (данной тем же ректором Гутьерресом, который несколькими годами ранее посоветовал Суаресу быть благочестивым, трудолюбивым и не терять надежду) говорилось, что Суарес является хорошим кандидатом, имеющим талант, среднее здоровье и способности к преподаванию.

Обратим внимание на еще один момент. Обычно молодым преподавателям-иезуитам поручались младшие курсы, где нужно было вести занятия по риторике и грамматике. Суаресу же сразу поручили читать философию. В декабре того же 1571 г. он дал торжественные обеты, включая обет повиновения папе, и стал полноправным членом Общества Иисуса. Вскоре сбылась и другая мечта Суареса: он был рукоположен в сан священника. Свою первую мессу он отслужил в Сеговии 25 марта 1572 г.

4.3. МУДРОСТЬ И БЛАГОЧЕСТИЕ (ПОРТРЕТ ФИЛОСОФА)

В Сеговии, где с сентября 1571 г. стал работать Суарес, открылся его педагогический талант. Суарес оказался прекрасным преподавателем, его лекции отличались четкостью, вдумчивостью, неторопливостью и основательностью в толковании предмета⁶³. Он не был «звездой» массовых проповедей и публичных диспутов. Но в студенческой аудитории (в том числе, по мнению самих учащихся)⁶⁴ ему не было равных. Он следовал лучшему, что мог дать схоластический метод обучения, но в то же время демонстрировал самостоятельность, причем не только в порядке изложения материала, но и в его интерпретациях. Это было чрезвычайно редким в университетской жизни того времени, когда обычной считалась практика в буквальном смысле чтения лекций профессором, причем отклонение от текста не предполагалось (даже возражения, опровержения и выводы воспроизводились по конспекту).

⁶² Напомним, что согласно «Конституциям» Общества иезуит мог претендовать на преподавательскую деятельность лишь после завершения полного (шестилетнего) курса теологии.

⁶³ *De Scorraille R.* Op. cit. P. 138.

⁶⁴ *Fichter J.H.* Op. cit. P. 103–104.

Суарес был убежден, что подобный стиль преподавания не соответствует главной задаче образования — формированию самостоятельно мыслящих людей. Эта мысль, которая два десятилетия спустя нашла воплощение в иезуитском «Ratio Studiorum» и получила повсеместное распространение, в начале 70-х годов встретила серьезное сопротивление среди коллег Суареса в Сеговии. Преподаватели, творчество которых не выходило за рамки составления «глоссариев», «компендиумов» и переписывания в текст собственных лекций «комментариев на сентенции», были обеспокоены педагогическими новациями молодого профессора-иезуита. На фоне интереса студентов к лекциям Суареса и его весьма открытых высказываний о содержании философских и богословских курсов, а также о методике их преподавания последовали требования назначить разбирательство и отстранить Суареса от чтения лекций⁶⁵. К счастью, дело было поручено все тому же отцу Хуану Суаресу, который незадолго до этого вновь был назначен иезуитским провинциалом в Вальядолиде. Разобравшись в сути дела и выслушав как выводы назначенной для расследования комиссии, так и самого Франсиско Суареса, провинциал поддержал последнего и дал разрешение на продолжение лекций.

И все же последовала вторая волна доносов, после которой Суарес решил сам обратиться в резиденцию генерала ордена. В конце 1573 г. он попросил разрешения на проезд в Рим для продолжения занятий теологией. Вместо этого, однако, пришло указание о переводе Суареса в Вальядолид, где незадолго до того орден основал коллегию св. Амбросия при местном университете. В коллегии имелось вакантное место профессора теологии, на которое и был назначен Суарес, прибывший в Вальядолид к сентябрю 1574 г.

Заметим, что годы работы Суареса в Сеговии были наполнены не только спорами о методике преподавания и ответами на запросы проверяющих инстанций, но и интенсивными исследованиями. Читая курс философии, он готовил тексты лекций, основанные на собственных комментариях практически ко всем основным сочинениям Аристотеля⁶⁶. Наиболее важным произведением, написанным в период 1571–1574 гг., стали «Комментарии на книги Аристотеля “О душе”»⁶⁷. Можно сказать, что базовые принципы философии Суареса, включая

⁶⁵ *Ibid.* P. 105–106.

⁶⁶ *Castellote S.* Introducción // Suárez F. De anima. Edición bilingüe: En 3 vols. Madrid, 1979–1991. T. 1. P. XXXVIII.

⁶⁷ Эти труды, за исключением «О душе» (который был опубликован в 1622 г., уже после смерти Суареса), остались неизданными.

тесно связанные между собой онтологию, теорию познания, психологию, антропологию, физику (философию природы), в основном сложились именно в это время. И если метафизика Суареса в систематическом изложении увидела свет лишь через два с лишним десятилетия, в 1597 г., то о его теории познания мы судим по произведению, написанному в Сеговии.

Пребывание в Вальядолиде стало следующим — также весьма насыщенным и успешным — этапом в жизни Суареса. Ему поручают не только чтение теологии; в течение года он занимает должность префекта наук (аналогичную обязанностям заведующего учебной частью или проректора), который следит за процессом обучения, успеваемостью, председательствует на студенческих диспутах и т. п. Кроме того, в 1575–1576 гг. он читает лекции по теологии в Сеговии (на этот раз в течение всего нескольких месяцев) и в Авиле, откуда осенью 1576 г. возвращается в Вальядолид⁶⁸.

Следующие четыре года Суарес безвыездно проводит в Вальядолиде, где продолжает преподавать теологию. Как и в Сеговии, эта работа сопровождается глубоким исследованием предмета. Поэтому, помимо чтения лекций, Суарес пишет комментарии к I части «Суммы теологии» Аквината, свое первое крупное богословское произведение, в котором апробируется новый *метод* комментирования текстов — «know how» второй схоластики.

Мы говорим о методе критического истолкования текста, при котором происходит превращение предмета исследования в объект, когда текст становится скорее поводом, чем причиной обращения автора к некоей проблеме. «Сумма» Фомы Аквинского в комментариях Суареса предстает в качестве обширного материала, дающего пищу для самостоятельной работы ума, а не как источник раз и навсегда изреченной истины, к которому приникает комментатор, стремящийся пояснить суть, не замутив этой истины. То, что подобная роль не устраивает Суареса, мы постараемся показать также на примере его метафизики. Здесь же обратим внимание на то, что идея не только «носила в воздухе», но и обретала в ту пору первые примеры удачного воплощения. Мы говорим о том, что Суарес хотя и считается наиболее глубоким мыслителем в известном ряду философов католической Контрреформации, но он явно не является хронологически первым среди них. Вспомним Фонсеку, чье «Наставление по диалектике», о котором мы говорили выше, увидело свет как раз в 1575 г. Известно,

⁶⁸ *Cronología de la vida de Suárez // Razón y Fe.* 1948. Número extraordinario. P. 13.

что Суарес ценил «португальского Аристотеля», отдавая должное как содержанию, так и форме его трудов. Влияние Фонсеки на Суареса уже замечено исследователями⁶⁹. Отметим, что в высокой оценке философского учения своего португальского собрата по ордену Суарес не был одинок. Научное и педагогическое значение «Наставления» Фонсеки было в полной мере признано в большинстве европейских университетов. О популярности трактата свидетельствуют его многократные переиздания в различных странах⁷⁰. В иезуитских учебных заведениях «Наставление» было узаконено в качестве официально учебного пособия, на что прямо указывает «Ratio studiorum»: «В течение первого года (профессор философии) объясняет логику на всем протяжении первого семестра, меньше используя диктовку, но в большей мере растолковывая наиболее важные пункты так, как они изложены Толедо и Фонсекой»⁷¹.

Обратимся к тем чертам и свойствам сочинения Фонсеки, которые оказали столь сильное воздействие на Суареса.

Трактат по логике поражал современников не только изяществом латинского перевода «Органона», ясным и доступным изложением его содержания, но и комментариями, в которых использовался практически весь материал средневековой логики⁷². При этом «диалектика» Аристотеля представляла не столько в «обновленном», сколько в «исправленном и дополненном» виде. Большое число ссылок на тексты Стагирита⁷³ не должно обманывать читателя. Фонсека мыслит оригинально и независимо, отнюдь не следуя Аристотелю там, где имеет собственное мнение. Об этом свидетельствуют специальные исследования, в ходе которых постранично сравнивались соответствующие тексты «двух» Аристотелей — настоящего и «португальского»⁷⁴. И хо-

⁶⁹ *Carvalho J. Pedro da Fonseca, precursor de Suárez na renovação de Metafísica // Revista Filosófica. [Coimbra], 1951. N 2; Elorduy E. Influxo de Fonseca en Suarez // Revista Portuguesa de Filosofia. 1955. N 11; Iturrios J. Fuentes de la Metafísica de Suárez // Pensamiento. 1948. N 4.*

⁷⁰ «Institutionum Dialecticarum, libri VIII» за первые 70 лет (1564–1625) переиздавались более 50 раз и были приняты в качестве учебного пособия в европейских странах, в Америке и даже на Дальнем Востоке (благодаря иезуитским миссиям). «Введение» («Isagoge») выдержало в 1591–1625 гг. 18 изданий.

⁷¹ *Ferreira G. J. Pedro da Fonseca: Sixteenth Century Portuguese Philosopher // International Philosophical Quarterly. 1966. Vol. 6. N 4. P. 633.*

⁷² Фонсека прекрасно знал как античную, так и схоластическую логику, о чем свидетельствуют ссылки и имена в именном указателе его труда.

⁷³ Фонсека ссылается на Аристотеля около 600 раз, в том числе делает более 450 ссылок на «Органон».

⁷⁴ *Ferreira G. J. Op. cit. P. 635. Nota 9.*

тя в основном Фонсека следует порядку изложения логики в комментируемом тексте, по многим вопросам он идет гораздо дальше, формулируя правила там, где Аристотель ограничивался примерами, и собирая в единое целое разрозненные суждения. Такой подход спустя несколько лет будет закреплен в «Ratio Studiorum»: «В важных вопросах (профессор философии) не будет отклоняться от Аристотеля, за исключением того, когда будет касаться доктрины, противоречащей тому, что единодушно принято в школах, или противоречащей истине»⁷⁵.

Наиболее важным произведением Фонсеки с точки зрения метафизики являются, напомним, его «Комментарии к книгам “Метафизики” Аристотеля Стагирита»⁷⁶, составляющие четыре тома in quarto.

Текст организован следующим образом. На протяжении всех четырех томов каждый разворот представляет собой билингву: слева на странице греческий текст, справа — латинский перевод. Текст Аристотеля дается по книгам и главам, по окончании каждой книги следует комментарий «посредством вопросов» (per modum quaestionis)⁷⁷.

В комментарии, который также выдержан в схоластическом духе, собственно и выражается философская мысль Фонсеки. Выявить ее не просто. Фонсека движется медленно, преодолевая путь от частного вопроса вначале, через изложение в нескольких разделах (sectio) всевозможных мнений, к собственным утверждениям. По ходу дела проясняются значения терминов и понятий, приводятся подтверждения и опровержения высказываний самого Фонсеки. При этом среди ссылок на авторитетные мнения почетное место занимает Фома Аквинский. Именно таким путем вырабатывается в самом начале «Комментариев» точка зрения на предмет метафизики, или первой философии. После того как последовательно рассмотрены и отвергнуты мнения о том, что предметом метафизики является Бог, единичные вещи-субстанции, бытие, выражаемое в категориях, Фонсека высказы-

⁷⁵ Ibid. P. 634. Необходимо заметить, что в некоторых случаях отход Фонсеки, вместе со всей схоластической логикой, от Аристотеля не означает движения вперед. Так, Фонсека смешивает логику и диалектику. Это понятия, о которых у самого Аристотеля говорится не вполне четко. Однако появляется понимание диалектики как способа исследования, прокладывающего путь к началам мышления (см.: *Аристотель*. Топика. Кн. 1. Гл. 3; гл. 18 // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 351, 371).

⁷⁶ *Fonseca P. Commentariorum Petri Fonsecae Lusitani. . . In Metaphysicorum Aristotelis Stagiritae Libros: En 4 vols. Coloniae, 1604.*

⁷⁷ Этой традиции изменяют лишь комментарии на 13-ю и 14-ю книги, которые Фонсека не успел завершить.

вает суждение о том, что первый и адекватный предмет этой высшей науки есть бытие, общее для Бога и творений⁷⁸.

Подобный строй мысли характерен для Фонсеки, когда он излагает более детально учение о бытии, аналогичности и однозначности бытия, о сущности и существовании, о формальном и объективном понятии бытия, о субстанции и акциденциях, о сущих разума и т. д.⁷⁹

Вернемся к вопросу о влиянии Фонсеки на Суареса и напомним, что первый том «Комментария» вышел в свет в 1577 г., когда Суарес работал над первой частью «Суммы теологии» Фомы Аквинского. Это было ровно на 20 лет раньше, чем были опубликованы первым изданием «Метафизические рассуждения» самого Суареса. Напомним также, что влияние метафизического сочинения Фонсеки на «Рассуждения» признается исследователями несомненным. Но, на наш взгляд, важно уточнить, в чем именно проявлялось это влияние и какой характер оно имело⁸⁰.

Итак, Суарес вальядолидского периода (1576–1580) преподает богословие, усиленно работает над «Суммой» Аквината, оттачивая стиль и формируя метод изложения собственных концепций. Нужно сказать, что стремление дать новое прочтение томистской теологии, хотя и не встречало поддержки в среде «ординарных профессоров» в университетах, оказывалось близким по духу решениям Тридентского собора и настроению, царившему вокруг папского престола. Богословский фундамент, выстроенный в XIII столетии святым Фомой, нуждался в ремонте. Без замазывания трещин, замены пришедших в негодность фрагментов и удаления многовековых наслоений невозможно было думать о реконструкции всего «крепкого здания» церковного учения, включавшего, помимо богословия, философию, этику и право.

Работа, которую делал в те годы Суарес, была необходима и в педагогических целях. В те годы студенты университетов находились,

⁷⁸ *Fonseca P. Commentariorum Petri Fonsecae Lusitani... In Libro IV.* — Само по себе утверждение о том, что бытие является адекватным предметом метафизики, выглядит вполне естественно. Но понимание бытия как некой общей природы для Бога и творений вызывает справедливые сомнения в ортодоксальной приверженности Фонсеки доктрине Фомы Аквинского.

⁷⁹ *Fonseca P. Op. cit.*

⁸⁰ Прямым свидетельством как влияния Фонсеки на Суареса, так и преемственности в философском творчестве двух крупнейших представителей второй школы, является индекс цитирования. «Метафизические рассуждения» Суареса содержат более 100 цитат из «Комментария» Фонсеки. Причем в основном это не формальные ссылки, призванные показать эрудицию автора или «верность» авторитету. Большинство их носят принципиальный и содержательный характер.

с одной стороны, перед необходимостью изучения «Суммы», которую Тридентский собор рекомендовал как наиболее полный компендиум христианской теологии, с другой стороны, сталкивались с банальной нехваткой книг, которые к тому же изобиловали типографскими ошибками и приходили в негодность за годы использования сменяющимися друг друга поколениями студентов. В этих условиях лектор часто оказывался посредником между мыслью Аквината и восприятием студента, и от качества работы профессора зависело многое.

Суарес, читавший, говоря современным языком, авторский курс теологии, старался не просто комментировать слова, но и развивать мысли Фомы, приспособляя их к решению современных ему задач и подкрепляя ими собственные суждения. «Труд Фомы можно было бы назвать местом, от которого отталкивался Суарес, и в то же время надежным и твердым основанием, на которое он всегда мог встать для доказательства или проверки своих собственных тезисов»⁸¹.

Если говорить о положении Суареса в академических кругах Вальядолида, то его характеризовала подозрительность со стороны большого числа коллег-теологов и некоторых иерархов ордена. Проверившие его комиссии находили неудовлетворительным уровень чтения лекций; Суарес отвечал, что упреки не имеют оснований, поскольку сводятся к констатации простого факта: его курс отличается от того, что читают другие профессора, его методы работы со студентами необычны. Живой стиль, свежие мысли, оригинальные комментарии — все это далеко выходило за рамки общепринятого. Когда дело доходило до теоретических вопросов, он с легкостью доказывал, что его лекции не вступают в противоречие с принципами томизма. Если речь шла о самом преподавании, то Суарес пытался объяснить, что от традиции, когда занятия представляли собой медленную диктовку с последующим воспроизведением слово в слово усваиваемой доктрины, пора отказываться. Он выступал за большую свободу как для преподавателя, так и для студентов: орден, церковь, страна нуждались в людях не просто образованных, но и творчески мыслящих, способных к самостоятельным суждениям, оценкам и действиям.

Суарес стал предшественником нового типа профессоров теологии и философии. Он не стремился поразить студентов своей эрудицией, театрально произносимыми фразами, запутанными логическими построениями. В то же время он не стремился к искусственному возрождению сократического или подобных приемов. Суарес просто реали-

⁸¹ *Fichter J. H. Op. cit. P. 78–79.*

зовывал цель, которая должна быть у каждого успешного учителя, — вложить знания в умы студентов, почувствовать «обратную связь», убедиться в том, что учение понято, продумано, усвоено.

Отвечая на замечания, предъявленные ему при очередной проверке, Суарес направил генералу ордена письмо, в котором попросил об экспертизе его лекций и вновь выразил желание приехать в Рим, чтобы совершенствоваться в теологии там, где, по его мнению, были сосредоточены лучшие умы Общества Иисуса.

Ответ генерала Суаресу неизвестен, но так или иначе его лекции и методы их преподавания получили полную поддержку. Руководителям ордена в Вальядолиде было приказано оставить Суареса в покое, а сам он вскоре был вызван в Рим, чтобы продемонстрировать свое педагогическое мастерство в главной иезуитской школе — Григорианском университете. Последующие пять лет Суарес провел в «вечном городе» — центре католического мира.

В Риме Суарес был принят как талантливый преподаватель и многообещающий теолог. На его лекции в иезуитской коллегии приходил (отнюдь не в порядке надзора) сам понтифик. Полагают даже, что папа Григорий, основатель этого учебного заведения, которое и получило в его честь название Григорианского университета, доверил Суаресу чтение первой лекции по теологии при открытии коллегии⁸². Здесь же Суарес получил поддержку нового генерала Общества Клавдио Аквавивы, стремившегося к расширению влияния ордена и видевшего залог успеха его деятельности в развитии образования.

Римская коллегия на глазах превращалась в ведущий методический центр иезуитской педагогики. Здесь обучались немногим более сотни студентов, отобранных из разных провинций ордена. Вместе с целым рядом молодых, но уже известных профессоров, лекции им — и весьма успешно — читал и Суарес⁸³. При этом он основывался не только на текстах Фомы, но и анализировал многие другие источники, в том числе более поздние, а также современных ему авторов.

Невозможно обойти вопрос об участии Суареса в работе над «Ratio Studiorum». Суарес был одним из тех, кто создавал педагогическую систему иезуитов, отстаивая на практике новые методы преподавания. В Риме он участвовал в дискуссиях по поводу содержания пробного,

⁸² *De Scorraille R.* Op. cit. P. 171–172.

⁸³ «Хронология жизни Суареса» свидетельствует, в частности, что в 1582–1583 гг. он читал курс «О благодати», что сделало его одним из участников полемики между иезуитами и доминиканцами о свободе воли и божественном предопределении.

предварительного варианта «Ratio», который должен был состоять из двух частей. Первая была призвана определить общие принципы преподавания теологии, с рассмотрением всех трудных и спорных моментов, во второй должны были содержаться подробные правила и инструкции по организации занятий гуманитарными науками, философией и теологией. Этот вариант вышел в свет в 1586 г. ограниченным тиражом и был разослан в некоторые (далеко не во все) учебные заведения ордена. В сопроводительном письме ректорам и профессорам предлагалось не просто перестроить учебный процесс по новым правилам, но и прислать в течение пяти-шести месяцев свои отзывы. Возвратившись в 1585 г. в Испанию, Суарес принял участие в апробации нового свода педагогических правил уже как профессор иезуитской коллегии в Алкале, где он получил должность лектора теологии. Вместе с коллегами он подготовил и отправил в Рим свои замечания и рекомендации. Одна из рекомендаций вновь обращала внимание на методику преподавания теологии. Суарес (как и его единомышленник, отец Флоренсия, также подписавший это письмо) полагал, что главным критерием успешности обучения служит ясность изложения материала лектором и понимание его студентами, а не рабское следование тексту студенческого конспекта словам профессора. Интересно, что во многом благодаря молодым профессорам, таким как Суарес, в полном и официальном варианте «Ratio», утвержденном в 1599 г.⁸⁴, смогли соединиться две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, вся система образования (и вся школьно-университетская жизнь) была унифицирована и кодифицирована⁸⁵; с другой стороны, преподавателю предоставлялась предельная свобода в педагогической работе.

В нашу задачу не входит полное и подробное описание жизни Франсиско Суареса (тем более, эта работа уже выполнена весьма скрупулезно); речь идет о портрете *философа*, поэтому мы вправе прямо перейти к наиболее важной для нас теме — обращению Суареса к философии как таковой и формированию собственной метафизической системы. Это происходит в наиболее спокойный и плодотворный период в жизни Суареса (1593–1597), который он проводит в Саламанке.

Суарес был счастлив в городе, который стал для него родным за время учебы и где его любили и почитали. Не было никакого срав-

⁸⁴ Это была третья редакция, которой предшествовал вариант 1591 г., также разосланный Аквавивой по коллегиям и обсужденный профессорами.

⁸⁵ Специальными инструкциями регламентировалось все, от поведения на занятиях и на отдыхе до тонкости приготовления различных блюд.

нения с предшествующими восемью годами в Алкале, где Суарес, занимая первую кафедру теологии, не только был вовлечен в богословские и педагогические споры, но и вынужден был участвовать в интригах, поскольку эти «прелести общественной жизни», главным образом, разворачивались вокруг него и по его поводу.

Начнем с того, что переезд из Рима в Алкалу в 1585 г. имел вынужденный характер. В Риме у Суареса (который с детства обладал слабым здоровьем) обнаружилась болезнь легких. В архивах ордена сохранился медицинский документ, датированный 1584 г., где о Суаресе говорится как о болезненном человеке, испытывающим мучительные боли в груди («*laborat dolore pectoris*»)⁸⁶. Судя по всему, болезнь впервые дала о себе знать еще во время напряженной работы в Сеговии. В Риме усилению болезни немало способствовал влажный климат (город, как известно, расположен на берегах Тибра, в трех десятках километров от морского побережья). Суаресу, во-первых, было предписано уменьшение нагрузки: ему посоветовали сосредоточиться на чем-нибудь одном, а не взваливать на себя непосильную ношу и преподавателя, и писателя одновременно. Во-вторых, стало ясно, что для выздоровления ему необходим сухой воздух испанского плоскогорья.

Для замещения должности профессора теологии был вызван соотечественник Суареса Габриэль Васкес — талантливый проповедник и преподаватель, читавший теологию в иезуитской коллегии Алкалы. Суаресу же было предложено отправиться в Алкалу и занять там место Васкеса.

Мы уже говорили о педагогической и методической работе, которую вел Суарес в Алкале. Его активность не нравилась многим, но серьезные неприятности начались, когда в 1591 г. из Италии возвратился Васкес. Несмотря на то что генерал Аквавива распорядился подготовкой богословских трудов заняться Васкесу, а за Суаресом оставить преподавание теологии, большинство профессоров и студентов желали видеть за кафедрой именно Васкеса.

Значительная часть жизни Васкеса (*Gabriel Vázquez*, или *Vásquez*, 1549–1604) была связана с Алкалой. Там он закончил коллегию свободных искусств (1571), вступил в Общество Иисуса (1569), изучал теологию (1571–1572) и одновременно вел занятия по философии (читая курс по аристотелевским книгам «О душе»). В последующие годы Васкес получил известность, преподавая этику и теологию в иезу-

⁸⁶ *Fichter J.H.* Op. cit. P. 128.

итских коллегиях Оканьи (1575–1577), Мадрида (1577–1580) и вновь в Алкале (1580–1585). Возвращение Васкеса из Рима в 1591 г. было триумфальным. Он был популярен; его хорошо знали; яркий, афористичный стиль его лекций приводил публику в восторг⁸⁷. Васкес смотрелся более выигранно на фоне Суареса, который не был создан для страстных проповедей при большом стечении народа. В общем, все это, а также некоторые черты характера Васкеса создали вокруг Суареса весьма напряженную и нервную обстановку.

Васкес выполнил волю генерала и занялся приведением в порядок собственных трудов по теологии и философии, но при этом ему ничто не мешало поддерживать усилия преподавателей и студентов, которые требовали его возвращения на кафедру. Спустя год после вынужденного сосуществования двух известных теологов-иезуитов в одной коллегии отец инспектор пожаловался Аквавиве, что мир и покой в Алкале утрачены и что это, по всей видимости, лишь начало больших неприятностей.

Что касается Суареса, то атмосфера нападков, интриг, в которой, судя по всему, неплохо чувствовал себя Васкес, его не привлекала и не устраивала. Это была борьба за место, а не за идею, поэтому Суарес сам написал письмо генералу с просьбой подобрать ему другое место, дав тем самым «удовлетворение местным патриархам». «Если Ваше высокопреподобие наградит их тем, кого так желают, — говорилось в письме Аквавиве, — их счастье будет огромным»⁸⁸. Однако еще до того, как генерал принял свое решение, вопрос о замещении кафедры теологии приобрел иной характер: у Суареса резко обострилась болезнь легких, и он вынужден был оставить преподавание.

⁸⁷ *Abellán J.L.* Op. cit. P. 580–583; см. также: *Lapierre M.J.* The Noethical Theory of Gabriel Vasquez, Jesuit Philosopher and Theologian (1549–1604). Lewiston; Queenston; Lampeter, 1999; *Шмонин Д.В.* О философии иезуитов, или «Три крупинки золота в шлаке схоластики» (Молина, Васкес, Суарес) // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 141–152. — Нужно заметить, что Васкес известен своими двухтомными комментариями к «Сумме теологии». Комментарии, увидевшие свет позднее, в 1595 и 1599 г., выдержаны в традиционном стиле, в них описываются мнения Фомы, даются противоположные толкования этих мнений, высказываются и доказываются собственные, опровергаются чужие точки зрения, все это завершается тщательно отточенными формулировками выводов. Кроме того, уже после смерти Васкеса были опубликованы его морально-теологические и метафизические произведения, в которых излагаются «классические» для схоластики вопросы о понятии бытия, о сущности и существовании, о проблеме души и тела, о познавательных способностях человека, о свободе воли и божественном предопределении, о характере естественного закона и т. д.

⁸⁸ Отрывок из письма Суареса, как и некоторые моменты «внутренней борьбы» в коллегии, приводит Джозеф Фичтер: *Fichter J.H.* Op. cit. P. 168–169.

Последовавшее вскоре разрешение отправиться в Саламанку, чтобы не преподавать, но «лишь» писать труды по теологии, стало для Суареса настоящим подарком. Он устал и от напряженной аудиторной работы, и от «подковерной» академической борьбы, и от споров на методические темы, и (об этом мы еще не упоминали) от трудностей, связанных с публикацией собственных теологических сочинений.

Нужно сказать, что в период своей жизни в Алкале Суарес впервые публикует свои произведения — теологические трактаты «О воплощении» («De incarnatione», 1590) и «О чудесах жизни Христа» («De misteriis vitae Christi», 1592). Этому предшествовала непростая подготовительная работа.

Во-первых, дело было в самом авторе, точнее, в его невероятной требовательности к собственному тексту. Заметим, что в 1590 г. Суаресу исполнилось 42 года, возраст не столь уж молодой для первой публикации. Он, по его собственным словам, на протяжении значительного времени серьезно сомневался, следует ли печатать текст лекций, которые предназначались для устного чтения студентам. Более того, он опасался, что на фоне «ученых людей, которые говорили или писали» на эту богословскую тему, его работа может показаться слабой и недостаточной, а недруги, не желающие простить даже крохотной ошибки или недочета, набросятся на нее с яростной критикой⁸⁹. Поддерживаемый друзьями, уверявшими его в несомненной пользе издания, особенно для студентов-богословов, Суарес, наконец, принял положительное решение.

Во-вторых, решившись на публикацию, Суарес столкнулся с техническими проблемами. Крайне трудно было найти необходимые для набора и печатания книги типографские материалы. Еще более сложным оказался поиск издателей, готовых и способных к весьма сложной, кропотливой работе⁹⁰. Страна находилась в глубокой депрессии после гибели «непобедимой армады» (1588). Дело заключалось не только в катастрофическом состоянии финансов, но и в тяжелейшем моральном унижении, которое испытывали подданные его католического величества Филиппа II. Над Испанией, казалось, опустились сумерки, в которых вряд ли еще угадывался грядущий закат могущественной империи.

В-третьих, в соответствии с порядком, заведенным еще при Лойоле, труды иезуитов, предназначенные к опубликованию, обязаны были пройти не только королевскую, но и внутреннюю цензуру. Более

⁸⁹ Fichter J. H. Op. cit. P. 150.

⁹⁰ Ibid. P. 149.

точно указание на прямой запрет издавать что-либо без одобрения генерала ордена содержалось в «Конституциях» Общества. На практике цензура осуществлялась провинциалами, точнее, специальными комиссиями, состоявшими из нескольких прелатов, имевших докторские степени. Первый трактат Суареса (с учетом значительного числа профессоров, которые не скрывали своего недоброжелательного отношения к самостоятельным и глубоким лекциям их коллеги) было решено подвергнуть цензуре непосредственно в Риме. Генерал Аквавива, прочитав рукопись, высоко оценил ее, заметив, что трактат ни в коей мере не уронит репутацию Суареса как блестящего лектора⁹¹. Решение было принято в декабре 1588 г., но книга увидела свет лишь полтора года спустя.

Трактат о воплощении Христа вызвал, как и предполагал Суарес, множество критических откликов. Не меньшим, однако, оказалось и число сторонников, ожидавших продолжения (трактат «О чудесах жизни Христа», вышедший двумя годами позднее, по существу и являлся дополнением к трактату «О воплощении»), а также требовавших переиздания, которое последовало в 1595 г.

Для нас важно, что Суарес в своих первых теологических произведениях успешно применяет схоластические приемы аргументации, апеллирующие к разуму и рациональным объяснениям даже там, где прежде обходились без них. Благодаря этому трактаты оказались полезными не только студентам, но и проповедникам, более уверенно и доказательно объяснявшим прихожанам суть таинств и библейских сюжетов. Даже Васкес, который, как мы знаем, весьма критически воспринимал Суареса, отдавал ему должное, заявив, что тот «сослужил выдающуюся службу священной науке, когда использовал схоластический метод и подчинил строгой теологической критике все вопросы, относящиеся к жизни и славе пресвятой девы Марии...»⁹².

Что же касается Саламанки, то alma mater встретила Суареса почти королевскими почестями. Профессора и студенты ожидали его у городских ворот и составили торжественную процессию; ему предо-

⁹¹ Ibid. P. 150. — В дальнейшем Аквавива внимательно следил за литературными трудами Суареса и неоднократно справлялся у кастильского провинциала об ожидаемых «новинках». Это было особенно важным, поскольку число пишущих среди иезуитов чрезмерно возросло, и в Риме были склонны скорее ограничивать, чем поощрять появление новых имен и трактатов. Исключение делалось для Суареса и Васкеса; от этой «политики сдерживания» пострадал даже такой выдающийся иезуит, как Луис де Молина, с невероятным трудом пробравшийся сквозь цензурные комиссии.

⁹² Fichter J. H. Op. cit. P. 155.

ставили все необходимое для работы; но главное, его теперь окружали друзья, а не оппоненты, готовые наброситься на каждое слово, сказанное или написанное им. Это была его мечта: уйти от излишней публичности, получить собственный кабинет, где хватило бы места для рукописей и книг. Горячий прием и восторженные ожидания произвели сильное впечатление на Суареса; он, вопреки нездоровью и собственным планам, не мог отказать аудитории и решил на чтение лекций в 1593/94 учебном году. Но, начиная со следующего года, он полностью отдается литературному труду, и результаты следуют незамедлительно. Уже в 1595 г. в свет выходит второе, исправленное, дополненное (и, добавим, ожидаемое читателями) издание трактата «О воплощении». Почти в то же время Суарес публикует в одной книге «De sacramentis» (1595) три новых трактата, посвященных таинствам крещения, конфирмации и причащения⁹³. Эти труды последовательно продолжают два прежних комментария к третьей части «Суммы теологии» Аквината, работу над которыми Суарес будет продолжать долгие годы, а издание этих богословских сочинений затянется до 50-х годов XVII в., когда самого автора уже не будет в живых.

В эти же годы у Суареса появляется настойчивый интерес к метафизике. О том, почему на первый план выходит написание большого труда, в котором давался бы очерк всей философии, лучше всего говорит сам автор: «Поскольку невозможно стать хорошим теологом, не овладев сначала твердыми основаниями метафизики, я всегда полагал важным, прежде чем писать богословские комментарии (часть из которых увидела свет, другую же часть я стараюсь как можно скорее, с Божьей помощью, завершить), выполнить труд, который теперь, христианский читатель, передаю тебе в руки...»⁹⁴.

Суарес прямо говорит о том, что в его голове уже давно созрело убеждение в необходимости знания метафизики всякому, кто задумается об изучении теологии. Поэтому сразу, как только он отправил в типографию комментарии к «Сумме», о которых мы упоминали, его взгляд обратился к аристотелевской «Метафизике» — неисчерпаемому для схоластики философскому источнику. Суарес видит перед собой важную задачу: предоставить или, точнее, вернуть (это его

⁹³ Doyle J.P. Suárez on the truth of the proposition «This is my body» // The Modern Schoolman. 2000. Vol. 77. P. 145–163.

⁹⁴ Suarez F. Disputationes Metaphysicae. Ad lectorem. — Этот фрагмент есть в русском переводе, выполненном М. Р. Бургете: Суарес Ф. Предисловие к книге «Метафизические рассуждения» и 1-й раздел первого рассуждения «О природе первой философии или метафизики» // Историко-философский ежегодник-87. М., 1987. С. 218–242.

собственное выражение) метафизической науке ее почетное место в человеческом познании. Разумеется, речь идет о христианской философии, которую принято было называть естественной теологией; в связи с этим остается неизблемой ее цель — интеллектуальная поддержка теологии откровения.

Другими словами, теология как знание или слово о Боге должна опираться на истины человеческого разума, познанные в естественном свете, т. е. постигнутые рациональным, логическим путем. Бог есть бытие в его наивысшем смысле, поэтому мы не можем и не должны отказываться от максимально полного его познания, ограничивая себя лишь истинами откровения. Тем более, что за границами такого познания остается созданный Богом мир. Из всех наук о Боге и мире наиболее значимой оказывается метафизика (естественная теология), которую также называют первой философией. Добавим, что и само рациональное познание заслуживает того, чтобы стать предметом исследования.

Метафизика (а не физика или этика) становится первой наукой, поскольку она ближе всех других дисциплин подходит к познанию божественных вещей, а также потому, что объясняет и утверждает рациональные основания, поддерживающие любую науку. Метафизические вопросы, замечает Суарес, настолько тесно переплетаются с вопросами теологии, что трудно отделить их друг от друга. Но еще сложнее рассматривать их вместе, смешивая возвышенное с земным, божественное с человеческим. Вот почему, по мнению Суареса, следовало бы создать специальный труд по философии, «... расположив в нем все метафизические рассуждения в соответствии с таким методом, который наиболее подходил бы для понимания и скорейшего познания как данных рассуждений, так и мудрости откровения»⁹⁵.

«Метафизические рассуждения» («Disputationes metaphysicae») — а именно так назвал Суарес свой главный философский труд — сложились на основе «философских заметок по богословским вопросам»⁹⁶ и материалов курса, читавшегося им в 70-е годы в Сеговии. Полное название этого произведения выглядит так: «Метафизические рассуждения, в которых упорядоченно передается вся естественная теология и тщательно рассматриваются вопросы, относящиеся ко всем двенадцати книгам Аристотеля»⁹⁷. Первое издание увидело свет в са-

⁹⁵ Suarez F. Op. cit. Prooemium; Суарес Ф. Указ соч. С. 221.

⁹⁶ Ibid; Там же. С. 220.

⁹⁷ «Metaphysicarum Disputationum, in quibus universa naturalis theologia ordinate traditur, et quaestiones ad omnes duodecim Aristotelis libros pertinentes accurate dis-

ламанкской типографии братьев Рено в 1597 г. Обратим внимание лишь на некоторые черты этого произведения, характеризующие его автора.

Итак, «Метафизические рассуждения» задуманы и выполнены как комментарий к «Метафизике» Аристотеля. Тем не менее (и мы совершенно согласны с многочисленными исследователями, писавшими об этом) «... Суарес не подчиняется порядку аристотелевских книг и отказывается от традиционной формы комментария. Он впервые вплотную подходит к изложению вопросов, упорядоченных в виде систематического трактата, открывая серию *философских курсов*⁹⁸, которые после него получают распространение в последующие столетия. «Disputationes metaphysicae» представляют собой самостоятельные трактаты, каждый из них — с различными разделами и подразделами»⁹⁹.

Суарес воспринимает метафизику как ядро философии, со сложившейся в Средние века прочной структурой, внутренней логикой, методами исследования, законами жанра, стилистическими правилами и системой категорий.

Изучение того, как изменялся — от мыслителя к мыслителю, от века к веку — подход к вопросу о роли метафизики для богословия (и, более широко, для религии¹⁰⁰), выходит за рамки нашей работы. Для нас важно, что Суарес, чьи сочинения пронизаны религиозным духом, уже в самом начале «Метафизических рассуждений» говорит о потребности, которую испытывает теология «в человеческих размышлениях»: без метафизики неизбежно поколеблется знание истин откровения¹⁰¹. Заметим, что даже одно это высказывание позволяет судить о Суаресе (при том, повторим, что он остается последовательным католиком и богословом) как о самостоятельной величине в философии. Как это было с ним и в богословских спорах, и в педагогических дискуссиях Суарес мыслит оригинально и независимо,

putantur». В названии говорится о *двенадцати книгах*, поскольку Суарес видит логическое завершение «Метафизики» в учении о перводвигателе, полагая книги 13 и 14 позднейшими вставками, которые к тому же избыточны повторами.

⁹⁸Имеется в виду, что Суарес отходит от традиционных средневековых комментариев, сумм, тезисов и вопросов, осваивая новый для философии жанр систематического произведения (*cursus philosophicus*) на определенную тему с четкой внутренней структурой и разделенного на связанные между собой трактаты.

⁹⁹*Frailé G. Historia de la filosofía española. Madrid, 1971. P. 365.*

¹⁰⁰По замечанию А. Н. Уайтхеда, каждое значительное религиозное движение («... от Фомы — к Лютеру, Кальвину, Суаресу, от Суареса — к Лейбницу и Локку») сопровождалось «стремлением найти для него высшее разумное оправдание». См.: *Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 418.*

¹⁰¹*Suarez F. Op. cit. Prooemium; Suarez Ф. Указ соч. С. 221.*

уважая авторитеты, но соглашаясь с ними лишь тогда, когда это не идет вразрез с его собственным учением¹⁰².

Обратимся к сюжету, который добавит еще один штрих к портрету Суареса.

В Саламанке весной 1596 г. философ продолжал кропотливую работу — редакцию своих «Метафизических рассуждений». Целые дни он проводил в кабинете, за столом, заваленным собственными рукописями и книгами, по которым ему приходилось сверять многочисленные цитаты и сноски. В один из таких дней в кабинет вошел отец ректор и, держа в руках внушительного вида бумагу, воскликнул¹⁰³:

— Отец мой! Письмо короля, нашего государя!

— Нашего короля, дона Фелипе? Мне? — с волнением переспросил Суарес.

— Мне его переслал отец инспектор. Прочитайте письмо, отец, и вы все поймете¹⁰⁴.

В письме, о котором идет речь, Филипп объявлял инспектору коллегий ордена иезуитов отцу Гарсиа де Аларкону свое настоятельное желание видеть профессором освободившейся «первой кафедры теологии» в Университете Коимбры лучшего представителя Общества — отца Франсиско Суареса¹⁰⁵.

¹⁰²Можно сравнить суждения Суареса о роли философии с соответствующими суждениями двух наиболее крупных фигур средневековой мысли — Фомы Аквината и Дунса Скота. Так, согласно Фоме Аквинскому, право на существование имеют только самые необходимые рациональные доказательства; злоупотребление ими ведет лишь к оперированию с диалектическими вероятностями, а не с истинами (см.: *Жильсон Э. Разум и Откровение в Средние века // Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992. С. 38–40*). Необходимо отказаться от излишних рассуждений, чтобы «... католическая вера не казалась лишенной оснований, а являлась проистекающей из глубоких учений Божьих» (Там же. С. 37). В еще большей степени сужал сферу рационального познания Иоанн Дунс Скот (Там же. С. 41).

¹⁰³Так описывает этот момент испанский писатель, публицист Адро Хавьер, автор научно-популярной биографии Суареса (*Xavier A. Francisco Suárez en la España de su época. P. 241–285*).

¹⁰⁴Мы не можем быть уверенными в достоверности слов, произнесенных в ту минуту отцом ректором и отцом Суаресом (*Ibid. P. 241*), однако письмо, а точнее, письма короля Филиппа II по поводу Суареса существовали, и их текст сохранился.

¹⁰⁵Филипп писал, что «первая кафедра» теологического факультета в университете Коимбры свободна, и в этом месте невозможно найти человека, который смог бы занять ее. Полный текст письма см.: *Descamps A. I., S. J. Vida del venerable Padre Francisco Suarez, de la Compañía de Jesús: En 2 partes. Perpiñan, 1671–1672. Parte 2. Cap. 9.*

Здесь следует сделать небольшое отступление, объясняющее некоторую странность ситуации.

Биографы Суареса сходятся во мнении, что инициатором назначения Суареса на должность профессора главной теологической кафедры ведущего университета Португалии (которая в тот момент, напомним, была частью испанского государства) был сам король, прекрасно разбиравшийся в религиозных делах своей страны и вникавший даже в частные университетские проблемы. Как свидетельствует историческая литература, Филипп II, причем не только в последние годы своей жизни, старался сделать как можно больше для развития образования. Он открывал коллегии и университеты в Испании, выделял значительные суммы на обучение английских и ирландских студентов-католиков в различных странах Европы. При этом особое внимание король обращал на иезуитские школы и университеты, поскольку видел в членах Общества Иисуса своих единомышленников, стремившихся к возрождению католической учености, а значит, интеллектуальной мощи римской церкви.

Коимбрский университет был в то время, наряду с университетом в Саламанке, одним из самых важных учебных заведений на Пиренейском полуострове. При нем имелась иезуитская коллегия свободных искусств, но сам университет сохранял свои привилегии королевского, т. е. нецерковного, учреждения. В течение нескольких десятилетий «первую кафедру теологии» там занимали профессора-доминиканцы. И вот, когда по выходе в отставку пожилого доминиканца Антонио де Санто Доминго, место ведущего лектора теологии освободилось, Филипп решил назначить туда иезуита, причем именно Суареса.

Университет, не имея возможности сохранить «доминиканскую династию» теологов, попытался самостоятельно выбрать ей преемника. Профессора теологического факультета всерьез подумывали о Луисе де Молине. Испанец по происхождению, Молина большую часть своей жизни провел в Португалии, учился, а затем и преподавал в Коимбре и Эворе. Он был хорошо известен и популярен. И хотя в упоминавшейся нами полемике «De auxiliis» Молина резко критиковал доминиканцев во главе с Доминго Баньесом¹⁰⁶, мнение профессоров теологического факультета в выборе между Молиной и Суаресом не было единым¹⁰⁷. В любом случае достаточно трудно установить

¹⁰⁶См.: Шмонин Д. В. Поворот в лабиринте: Луис де Молина о свободе воли // Verbum. Вып. 2. Наследие Средневековья и современная культура. СПб., 2000. С. 39–51.

¹⁰⁷Fichter J. H. Op. cit. P. 204.

истинные мотивы и предпочтения коимбрских докторов. Важно другое: вряд ли этот выбор осуществлялся без влияния короля, а Филипп лучше знал Суареса и как потомка славного рода, чьи предки добросовестно служили кастильским королям, и как превосходного теолога, и как человека, способного высказать мудрую мысль и подать толковый совет¹⁰⁸.

Суарес попытался отказаться от предложенной ему должности. Он попросил иерархов ордена почтительно довести до Филиппа, что он не хотел бы прерывать свою писательскую работу, что в Коимбре нет хорошей типографии и он не сможет печатать там свои труды, что почтенный университет в состоянии заместить освободившуюся кафедру, а если королю угодно видеть на этом посту иезуита, то есть Луис де Молина, прекрасный проповедник и полемист, который к тому же желал бы получить вакантное место.

Ответ последовал очень быстро¹⁰⁹, и в нем чувствовалась решимость монарха довести начатое им дело до конца. Филипп сообщал отцу инспектору (через которого шла переписка), что он будет «признателен», если тот сослужит своему королю небольшую службу, а именно: немедленно отправит Суареса в Коимбрский университет.

Суарес оставил свои труды и отправился в путь, но не в Коимбру, а в Толедо, где в тот момент находился королевский двор. С одной стороны, он не мог ослушаться короля, с другой — ему казалось, что карьера профессора со всеми ее «плюсами» и «минусами» для него завершилась. Философ был уверен в том, что наилучшим для него было бы сосредоточиться на писательской деятельности. Слабое здоровье не давало ему надежды на успешное совмещение чтения лекций и написания книг. Суарес полагал, что, если ему удастся получить аудиенцию его величества, он сумеет убедить короля в нецелесообразности задуманного им назначения. Суарес был принят и выслушан королем. Более того, Филипп согласился — хотя это и шло вразрез с его собственными планами — с доводами философа и позволил ему вернуться в Саламанку, пожелав божьего благословения его теологическим трудам.

Но, к сожалению, ситуации не суждено было разрешиться удачным для Суареса образом. Король так и не назначил на пустующую

¹⁰⁸Известно, что Филипп через своих посланцев в разное время несколько раз интересовался мнением Суареса по религиозным, а может быть, и по политическим вопросам.

¹⁰⁹В самом деле, временной зазор между королевскими посланиями очень мал: первое письмо было подписано Филиппом 13 мая, а второе — 27 мая 1596 г.

кафедру Молину, поскольку тот казался ему слишком вовлеченным в богословские споры, и повелел временно вернуться на этот пост престарелому профессору Доминго. Тот вновь начал читать теологию, но внезапно умер в конце 1596 г. Зная это, Суарес не должен был очень удивиться, когда получил в феврале следующего года копию третьего королевского письма, предписывающего ему отбыть в Коимбру для чтения лекций. По мнению Филиппа, никто более ни в Португалии, ни в Испании, ни среди доминиканцев, ни среди иезуитов не подходил на эту роль в Коимбском университете.

Заметим, что король в письме давал понять, что помнит все возражения, приводимые Суаресом во время их встречи. Поскольку речь шла о здоровье, то он предлагал Суаресу выбрать наиболее удобные часы занятий и не читать никаких других курсов, кроме теологии. Это предложение, однако, не могло быть принято Суаресом. Дело в том, что по традиции лектор «первой кафедры теологии» обязан был ежедневно читать *первую утреннюю* лекцию, начинавшуюся в 6.30 летом и в 7.30 зимой. Ведь смысл ее и состоял в том, что наиболее опытный и умудренный профессор задавал определенный тон всему учебному дню в университете, а также демонстрировал уровень, которому должны были следовать остальные профессора. Было бы против правил и здравого смысла носить титул «первого», уступая первую лекцию другому преподавателю.

Понимая, что дальнейшие дискуссии невозможны, Суарес постарался как можно дольше затянуть отъезд, углубившись в работу над своей метафизикой, но полностью подготовить «Метафизические рассуждения» к печати не смог. 28 марта 1597 г. король написал четвертое (!) письмо, в котором просил «...передать отцу Суаресу благодарности, которые тот полностью заслужил, и сказать ему, чтобы тот незамедлительно отправлялся в Коимбру, не дожидаясь выхода в свет его трудов». «Он легко найдет кого-нибудь, — продолжал Филипп, — в коллегии в Саламанке, кто смог бы доделать эту работу для него»¹¹⁰.

Это было прямое указание короля, поэтому Суарес, взяв с собой самое необходимое, отправился в Португалию, где, однако, у него возникли некоторые трудности. Во-первых, почти на месяц его задержал португальский провинциал ордена, удивившийся тому, что столь известный профессор не имеет степени доктора теологии. В самом деле, за все предшествующие годы Суарес ни разу никого не просил о присуждении ему докторской степени, хотя выдержал не одну публичную

¹¹⁰ Fichter J.H. Op. cit. P. 209.

защиту (достаточно вспомнить его выступление в Римской коллегии в присутствии папы, которое, кстати, так и называлось: *dissertatio* — изыскание). Его переводили с места на место, поручали преподавание различных курсов, не заботясь об отсутствии академических регалий; он получал почетные титулы от пап и благодарности от генералов ордена¹¹¹; его трактаты были необычайно популярны, но... португальский прелат был всерьез обеспокоен возможными трудностями, которые могли возникнуть в Коимбре у преподавателя без докторской степени¹¹². После раздумий провинциал своей властью (!) присудил Суаресу степень доктора теологии (по совокупности трудов — как сказали бы в наше время) и, дав несколько несущественных рекомендаций, отправил его в Коимбру.

Но это не облегчило Суаресу вступление в должность. Напомним, что Коимбский университет имел статус светского учебного заведения. Поэтому степень, полученная Суаресом, с точки зрения университетского устава выглядела неубедительно. Его не допустили к преподаванию без официальной публичной защиты. В результате 49-летний профессор, испытывавший органическое неприятие бумажной волокиты, должен был отправиться в другой португальский город, Эвору, чтобы в местном университете защитить свое право именоваться доктором и получить кафедру, занять которую не особенно стремился. Защита (4 июня 1597 г.), на которой он выступил и как философ, и как богослов, прошла успешно, и Суарес достаточно равнодушно принял мантию¹¹³, которой другие добивались с пылом и трепетом.

Нужно сказать, что Коимбра довольно скоро оценила и приняла Суареса. Студенты девяти коллегий университета с восторгом и вниманием слушали его лекции; нередко в лекционном зале собиралась и городская публика. По воспоминаниям слушателей, Суарес излагал материал спокойно и уверенно, не пользуясь книгами и конспектами даже для того, чтобы привести цитату; говорил достаточно медленно, чтобы аудитория могла следовать его мысли. Студенты платили ему любовью и признательностью (его попросили стать духовным наставником молодых иезуитов в Коимбре), португальские коллеги — уважением. Несмотря на более насыщенное расписание, Суарес вновь, как и в Саламанке, погрузился в писательскую работу.

¹¹¹ Suárez, Francisco // Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana. Madrid; Bilbao; Barcelona, 1926. Т. 57. P. 1415.

¹¹² Заметим, что докторская степень в то время в испанских и португальских университетах присуждалась довольно редко и ценилась весьма высоко.

¹¹³ Fichter J. H. Op. cit. P. 210.

4.4. ЗАЩИТА ВЕРЫ

Дальнейшая жизнь Суареса внешне укладывается в несколько строк «Хронологии жизни...», составленной авторами юбилейного выпуска журнала «Разон и фе»¹¹⁴: со времени защиты докторской диссертации в июне 1597 г. и до ноября 1615 г., времени официального выхода в отставку в возрасте 67 лет, Суарес занимает должность профессора первой кафедры теологии Коимбрского университета. На самом деле, философ, помимо преподавания, интенсивно работает над своими сочинениями и выполняет множество «общественных» поручений ордена и церкви. Оставаясь профессором в Коимбре, Суарес неоднократно покидает ее пределы. Так, в июле 1603 г. он выезжает в Вальядолид и Мадрид; в 1604 г. предпринимает путешествие в Рим, откуда возвращается в январе 1606 г., но до октября живет в Лиссабоне. В 1609 г., во время процесса по делу св. Тересы де Хесус, Суарес пребывает в Мадриде; вообще его часто привлекают в качестве судьи, консультанта, эксперта к участию в различных слушаниях, дискуссиях, спорах.

Дальнейший (после выхода в свет «Метафизических рассуждений» в 1597 г.) порядок публикации Суаресом своих трудов выглядит следующим образом. В 1599 г. в Мадриде публикуется том «Малых теологических произведений». Остальные прижизненные издания выпускаются Суаресом в Коимбре: в 1602 г. — «О таинствах» (часть 2-я), в 1603 г. — «О наказаниях». В то время, когда в типографии шла работа над этими книгами, Суарес читал (в рамках все той же теологии) лекции по праву; материалы этого курса к 1612 г. оформились в обширный труд, сделавший Суаресу имя в философии права, «О законах и Боге-законодателе» (Коимбра, 1612). Помимо этого следует упомянуть и другие произведения, вышедшие из-под пера Суареса: «О Боге, едином и троичном» (1606), «О достоинстве и положении религии» (1608–1609), «Защита католической и апостольской веры против заблуждений англиканской секты» (1613).

Обратимся к философскому творчеству Суареса в этот поздний период его деятельности. Начать следует с «Малых теологических произведений»¹¹⁵, представляющих Суареса не просто как философа, но и как идеолога Контрреформации, участвующего в одной из самых известных морально-философских дискуссий конца XVI — нача-

ла XVII в., — в полемике между иезуитами и доминиканцами о свободе воли человека и божественном предопределении.

Суарес поддержал доктрину Луиса де Молины, изложенную последним в труде «Согласие свободной воли с дарами благодати, божественным предзнанием, предведением, предопределением и осуждением». Дополнением к молинистской доктрине служит изложенная Суаресом в «Малых теологических произведениях» собственная трактовка божественного влияния на жизнь и поступки человека. Суарес считал, что благодать имеет характер, согласованный с индивидуальными способностями человека. Другими словами, Бог учитывает склонность характера, темперамент индивида, а также место, время и другие обстоятельства, определяющие ситуацию выбора¹¹⁶.

«Малые теологические произведения»¹¹⁷ состоят из шести трактатов, последовательно рассматривающих основные темы дискуссии:

- влияние Бога на действия сотворенных им вещей;
- знание его (Бога) о последних;
- благодать (Gratia) и действительная помощь (auxilium) Бога сотворенным сущим;
- собственная свобода Бога творить и знать все существующее и могущее существовать;
- проблема свободы воли и ответственности человека;
- рассуждения о божественной справедливости.

Наиболее значимым из шести произведений, вошедших в книгу¹¹⁸, считается «Сочинение о совместном действии и действительной помощи Бога» (третий по счету трактат)¹¹⁹. На наш взгляд, не меньший интерес представляет рассматриваемая Суаресом в четвертом трактате гносеологическая сторона проблемы, которую можно выразить в вопросе, предопределены ли будущие события, которые являются результатами выбора человека (и которые он воспринимает как случайные). Поэтому моральную доктрину, как мы помним, подкрепляет концепция среднего знания, которую принимали иезуиты, прежде все-

¹¹⁶Эта позиция вызвала критику Баньеса (представленную поначалу анонимно), так что Суаресу пришлось написать еще один небольшой «Богословский трактат» («Tractatus theologicus»), увидевший свет, однако, лишь после смерти Суареса, в 1655 г.

¹¹⁷См., например, издание, хранящееся в Российской национальной библиотеке: Francisci Svarcz. . . Varia opuscula theologica. Moguntiae, 1600.

¹¹⁸Fichter J. H. Op. cit. P. 222.

¹¹⁹«Opusculum de concursu et efficaci auxilio Dei».

¹¹⁴Cronología de la vida de Suárez // Razón y Fe. 1948. Núm. extraordinario. P. 14–15.

¹¹⁵Буквально название книги следовало бы перевести как «Различные небольшие теологические произведения» («Varia opuscula theologica»).

го Молина и Суарес¹²⁰, и стремились опровергнуть доминиканцы во главе с Баньесом.

Помимо «борьбы за свободу воли» Суаресу пришлось вступить в межконфессиональную полемику, получившую, прямо скажем, большой политический резонанс. Речь идет о споре между папой Павлом V и английским королем Яковом I. Яков, верный реформаторско-абсолютистской политике своих венценосных предшественников, издал эдикт, в котором утверждалась абсолютная власть короны в светских и духовных делах. В ответ папа направил британским католикам послание, разрешающее им не исполнять королевский эдикт. Одновременно кардинал Беллармино (иезуит и коллега Суареса по преподаванию в Григорианском университете) направил британскому архиепископу Джорджу Блеквеллу письмо, разъясняющее позицию Рима и критикующее шаги короля Якова. Король написал анонимную апологию своему эдикту; Беллармино ответил новым письмом, собственной апологией; все это приобрело характер широкой публичности. Участие Суареса в этих событиях заключалось в написании упоминавшегося нами выше трактата «Защита католической и апостольской веры против заблуждений англиканской секты».

В трактате, который состоит из шести книг, Суарес анализирует пункты расхождения между католиками и английскими протестантами, стремясь показать ошибочность доктрины последних. В 1-й книге прямо говорится о еретическом характере англиканства; во 2-й книге автор защищает католическую трактовку спорных пунктов¹²¹; 3-я книга посвящена обоснованию превосходства власти папы над светской властью монархов, 4-я — защите церковного иммунитета, 5-я отвечает на недружелюбные выпады британского короля в адрес папы (Яков объявил понтифика антихристом), а 6-я книга собственно и посвящена главному: в ней Суарес опровергает формулу Якова об абсолютной верности подданных короне и требует соблюдения прав английских католиков.

«Защита веры...» произвела сильное впечатление на короля Якова (который знал заранее от своих агентов в Испании, что Суарес пишет эту книгу, и получил ее сразу, как только она увидела свет). После заседания оксфордских экспертов книгу в Англии не только запретили, но и приговорили к аутодафе перед собором св. Павла в Лондоне.

¹²⁰Здесь мы приводим общую позицию, которую разделяли иезуиты.

¹²¹Суарес последовательно отстаивает дух и букву католических таинств, мессы, культа святых, образов, реликвий и т. п.

Вот как описал получение этого известия иезуитами в Коимбре литератор, тонкий ценитель иронии и тоже иезуит Бальтасар Грасиан¹²²: «Столь же святой, сколь остроумный, отец Себастьян де Баррадас из ордена Иисусова, услышав, что на лондонской площади сожгли назидательную, ученую, мудрую книгу отца Франсиско Суареса, который написал «Против короля Англии», обернулся к отцу Суаресу и утешил его стихом Овидия, обращенным к книге:

*Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток,
В Град... ,*

находчиво приспособив его к случаю тем, что изменил последнее слово:

*Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток,
В Огнь... ».*

Нам кажется, что сквозь напускную печаль на лице отца Баррадаса, выразившего сочувствие знаменитому собрату по ордену, светилась лукавая улыбка. «Малый свиток» — обширный 900-страничный полемический трактат Суареса достиг своей цели: об успехе свидетельствовало полученное из Лондона известие о сожжении книги. Кроме того, и это еще более приятно, трактат отправился в огненный путь *без хозяина*, который, указав королю Якову I на его ошибки, мог бы и сам вполне рассчитывать на *весьма горячий* прием в Британии. Однако отец Суарес был рядом и, вздохнув в ответ на утешение, возможно, принялся обдумывать очередной «вопрос» нового сочинения во славу святой матери церкви... .

Оставляя иронию, отметим тот факт, что «Защита веры» была осуждена также и Парижским парламентом, в то время как в Италии и Испании получила высочайшие оценки. Именно в благодарность за этот трактат папа Павел V впервые назвал Суареса (причем сделал это в личном послании) *доктором превосходным и благочестивым*¹²³.

Собственно «теоретическую значимость» имеет, на наш взгляд, опровержение тезиса о непосредственном божественном происхождении власти светских монархов. Суарес выдвигает теорию утверждения светской власти на основе естественного права. Согласно этой теории, легитимация светской власти происходит по воле людей, благодаря человеческим учреждениям и зависит от конкретных исторических условий. Божественный характер власти «вообще» означает

¹²²См.: Грасиан Б. Остроумие, или искусство изощренного ума // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977. С. 388–389.

¹²³«Doctor Eximius et Pius».

лишь то, что все виды права восходят к вечному закону, установленному творцом; монарх не вправе апеллировать к Богу, поскольку получил свою корону от людей и выполняет свои обязанности перед народом.

Из этого следует тезис о суверенитете народа, который может показаться парадоксальным, особенно если учесть, что он был высказан иезуитом в эпоху Контрреформации в абсолютистской Испании¹²⁴. На наш взгляд, речь идет о последовательной позиции, характерной для Суареса и свойственной другим крупным мыслителям-иезуитам конца XVI — начала XVII в., в которой фактически формулируются фундаментальные положения либерально-демократических концепций Нового времени¹²⁵.

Теория естественного права Суареса нашла свое полное выражение в главном философско-юридическом сочинении философа «О законах и о Боге-законодателе», опубликованном годом ранее (Коимбра, 1612)¹²⁶. Официальная церковь важнейшей заслугой Суареса в этой области считает преодоление антиномии таинства и права, которое создает новые возможности взаимных отношений между каноническим правом и другими формами права¹²⁷. Единство происхождения права было выражено Суаресом в формуле: «Право божественное, или же естественное, или же позитивное»¹²⁸.

Один из ключевых моментов в философии права Суареса состоит в согласованности системы законов, в основе которых лежит вечный божественный закон, который, по сути, представляет собой не что иное, как смысловое выражение принципа творения Богом мира¹²⁹.

¹²⁴Что касается Испании, то в силу уникального единства ее религиозно-политической структуры власть короля никогда не воспринималась как нечто противостоящее церкви; защита церкви означала защиту устоев католической империи; поэтому труд Суареса получил поддержку при дворе нового монарха Филиппа III.

¹²⁵Позволим себе напомнить нашу точку зрения по поводу общей направленности второй схоластики на осознание многообразия и динамичности сотворенного Богом мира, господства в нем индивидуальных вещей и индивидуальных отношений. В социальном и морально-правовом отношениях это означает приверженность Суареса и его коллег идеям, которые позднее будут названы либерально-демократическими (буржуазными) принципами.

¹²⁶*Suárez F. Tractatus de legibus. Edición crítica bilingüe: En 8 vols / Corpus Hispanorum de pace. Madrid, 1971–1981.*

¹²⁷См.: *Джесероза Л.* Каноническое право в католической церкви. М., 1996. С. 22–24.

¹²⁸«*Ius divinum, sive naturale, sive positivum*». Эта формула впоследствии вошла в Кодекс канонического права (1917), в § 1 канона XXVII (см.: *Джесероза Л.* Указ. соч. С. 24).

¹²⁹Согласно Суаресу, человеческое гражданское право восходит к божественно-

Другими словами, вечный закон — это мысль творца о творении, имеющая назначение высшего законодательного акта для всего сотворенного мира, а естественный закон — попытка человека представить и выразить разумные основания мира, заложенные в человеческой природе¹³⁰. Естественный закон в общем выражает первые принципы морали.

Оставив глубинные основания юстиции (и как справедливости, и как правосудия) за Богом, Суарес сосредоточивается на роли человека в формировании общества и законов, полагая, что изначальное, естественное состояние людей может быть описано одним словом: свобода. Никто по природе своей не является слугой другого человека; однако стремление к лучшей жизни толкает человека на путь социализации. Первым этапом на этом пути является семья, вторым — общественное объединение, основанное на договорных отношениях (Суарес использует два слова: *pactus* и *consensus*) между равными людьми. Это «первый договор» — необходимый «промежуточный» этап, который завершается осознанием невозможности всем и на равных правах постоянно регулировать жизнь общества. После этого на сцене появляется фигура правителя, которому общество делегирует власть, заключая с ним «второй договор»¹³¹.

Схема выглядит достаточно просто и эффективно. Бог является источником власти, народ — ее субъектом, а монарх (монархия, по Суаресу, есть наиболее справедливая и разумная форма правления) обязан обеспечить твердую власть при соблюдении условий договора, т. е. — прав людей¹³².

му естественному праву, в то время как каноническое право непосредственно происходит от божественного позитивного права. Это означало, во-первых, прямую зависимость человеческого гражданского права от права естественного и, во-вторых, приоритет церковных законодателей над законодателями светскими. Схему зависимости законов друг от друга («правовую лестницу») см. в цитированном нами очерке Х. Л. Абеляна (*Abellán J.L.* Op. cit. P. 624).

¹³⁰Что же касается человеческих законов (гражданских или канонических), то, по мнению Суареса, это вполне рукотворные и, следовательно, изменяемые нормы. Вообще закон — абстракция, результат деятельности человеческого разума, поэтому и действие законов должно ограничиваться сферой разума человека.

¹³¹Суарес выделяет несколько способов заключения такого политического договора: свободные выборы, общественное согласие, наследование, дарение, война и т. д. (*Ibid.* P. 627).

¹³²При перерождении монархии (если монарх превращается в несправедливого тирана) общественный договор теряет силу, а власть — легитимность. Таким образом, оправдывается неповиновение народа правителю при четко оговоренных условиях: правитель нарушает условия договора или неспособен к сохранению договора.

«О законах» и «Защита веры...» являются последними произведениями Суареса, которые увидели свет при его жизни. Сказанное не означает, однако, что после 1613 г. он отошел от писательских и преподавательских дел, хотя, как свидетельствует «Хронология жизни», в годы его работы над этими книгами в аудитории его замещали другие теологи. В 1613–1614 гг. Суарес читает курс «О вере», а в следующем учебном году «О неверии и ересях». В ноябре 1615 г. *превосходный доктор* покидает кафедру, получив скромную, но вполне достаточную пенсию. Он выходит в отставку как профессор, но работает над рукописями, которые требуют обработки и подготовки к печати.

Последней такой рукописью стали «Комментарии на книги Аристотеля “О душе”». Материалы, представлявшие собой комментарии на корпус аристотелевских сочинений о природе, включая книги «Физики» и «О душе», оставались незавершенными и неизданными в течение всей жизни Суареса.

Примерно за год до смерти Суарес начал переработку рукописи, стремясь превратить ее в законченное систематическое произведение, подобное «Метафизическим рассуждениям». Серьезность, с которой Суарес отнесся к этой работе, понятна: «Комментарии на книги “О душе”» должны были стать основанием его философско-теологической системы.

Суарес предполагал, не внося принципиальных изменений в текст, уточнить его содержание и структуру. Первоначальная структура была традиционной: текст делился на рассуждения, рассуждения — на вопросы, вопросы — на пункты. «Комментарии на книги “О душе”» включали четырнадцать рассуждений. Суарес предполагал заменить рассуждения книгами, а вопросы главами, что, с одной стороны, более соответствовало структуре произведения, которому были посвящены комментарии, т. е. аристотелевскому трактату «О душе», а с другой стороны, видимо, казалось Суаресу более современным. Не следует, на наш взгляд, говорить о прямом воздействии некоего «духа нового времени», или «новых веяний в философской литературе» на пожилого профессора-иезуита (хотя, как известно, иезуиты очень чутко относились ко всему новому). Очевидно, однако, что Суарес видел свою задачу в определенной «адаптации» текста, в его приближении к читателю первой четверти XVII в. Одновременно он стремился придать заверченный вид учению, которое, как мы заметили выше, должно было стать основополагающим для всей его системы.

Философ отдавал себе отчет в трудности этой работы, а также в том, что ему вряд ли удастся выполнить намеченное полностью:

«Я вижу, что уже слишком стар, — писал Суарес в январе 1617 г. в Рим генералу ордена, — чтобы иметь возможность закончить труды, которые начал, и оставить завершённой философию, которая согласовывалась бы с моей теологией»¹³³.

Биографы отмечают, что в последний год своей жизни превосходный доктор старался посвящать все свое время двум главным делам: молитве и работе над рукописями. Летом 1617 г. он приехал в Лиссабон, чтобы соединить отдых с работой в иезуитском доме. Он привез рукописи «О душе», но по просьбе папского нунция вынужден был вновь включиться в публичную дискуссию (на этот раз в спор по поводу юрисдикции церковного и королевского судов в Португалии) и даже написал на этот счет специальную записку¹³⁴.

Воскресенье 10 сентября было последним рабочим днем Суареса. Когда наступили сумерки, он отложил перо и погрузился в размышления об аргументах в пользу бессмертия души — теме 12-й главы первой книги «О душе». Но уже утром в понедельник у него начался жар, он более не вставал с постели и, несмотря на старания врачей (среди которых был даже личный лекарь короля) и заботу братьев, ему становилось все хуже. Умер Суарес две недели спустя, 25 сентября 1617 г.

Записаны слова, которые были произнесены им незадолго до смерти. Он, ожидавший смерти и готовый к ней, отчетливо прошептал: «Никогда не думал, что смерть будет так сладка»¹³⁵.

4.5. OPERA VARIA

Первыми опубликованными произведениями Суареса стали трактаты «De verbo incarnato» («О воплощенном слове», 1590, 2-е издание в 1595), «De misteriis vitae Christi» («О чудесах жизни Христовой», 1592) и «De sacramentis» («О таинствах», 1592), открывшие серию

¹³³Отрывок из письма от 10 января 1617 г., адресованного генералу ордена иезуитов (1615–1646) отцу Муцио Вителлески (Vitelleschi), цитируется по: *Suarez F. Commentaria una cum quaestionibus in libros Aristotelis De Anima: En 3 vols. Madrid, 1978. Vol. 1. P. XL. Nota 11.* Заметим, что Суарес успел исправить лишь первое рассуждение, превратив четыре его вопроса в двенадцать глав первой книги. Остальной текст был подготовлен к печати после его смерти.

¹³⁴*Fichter J.H.* Op. cit. P. 330–331.

¹³⁵«Pensaba que éste era el fin. . . Nunca hubiera creído que fuera tan dulce el morir» (*Elorduy E. Fama de sanctidad de Suárez // Razón y Fe. 1948. Núm. extraordinario. P. 83.*)

комментариев к «Сумме теологии» Фомы Аквинского¹³⁶.

Значительная часть трудов Суареса не увидела свет при его жизни. Отчасти виной была высокая требовательность автора к своим работам, о которой мы упоминали выше, отчасти — недостаток времени и не слишком крепкое здоровье. Известно, что в последние годы жизни философ стремился завершить начатое, переделать то, что его не устраивало, подготовить к печати лекционные курсы различных лет. Ученики и коллеги, братья по ордену, бережно сохранили все подготовленные к публикации рукописи, разрозненные материалы и черновики, и работа по изданию наследия Суареса была продолжена.

Опубликованы трактаты «De gratia» («О благодати», Коимбра, 1619), в Лионе вышли «De angelis» («Об ангелах», 1620), «De opere sex dierum et De anima» («О трудах шести дней (творения)» и «О душе», а также «De fide, spe et charitate» («О вере, надежде и милосердии», 1621), продолжение «De virtute et statu religionis» («О достоинстве и положении религии», 1624–1625), «De ultimo fine, De voluntario, etc.» («О последней цели человека», «О свободной воле... и др.», 1628) и неопубликованная прежде часть «De gratia» (1651). Последним вышло в свет произведение «De vera intelligentia auxilii efficacis» («Об истинном понимании действенной (божественной) помощи», Лион, 1655). Переиздания произведений Суареса в XVII–XVIII вв. позволяют судить (да и то лишь косвенно, отчасти) о степени востребованности его философских, теологических, морально-правовых сочинений¹³⁷.

Самым известным и наиболее полным собранием сочинений Суареса по настоящее время остается парижское издание Вивеса (Francisco Suarez. Opera omnia. Paris: Ludovicus Vives, 1856–1878)¹³⁸.

¹³⁶ Их публикация завершилась лишь после смерти Суареса, в основном, в «Полном собрании сочинений».

¹³⁷ *Sommervogel C.* Bibliothèque de la Compagnie de Jesus. Vol. I. Brussels; Paris, 1890. Cols. 221–222.

¹³⁸ R.P. Francisci Suarez e Societate Jesu Opera Omnia. Editio nova. Parisiis, apud Ludovicum Vives, bibliopolam editorem. Собрание сочинений состоит из 28 прекрасно изданных томов. В томах 1–26 опубликованы произведения философа, в двух последних содержится справочный аппарат, подготовленный редакцией. Том 1 начинается с краткого (14 страниц) описания жизни автора. Основное содержание тома (более 800 страниц) составляют три трактата о Боге. Том 2 включает в себя более чем тысячестраничный, в восьми книгах, трактат «Об ангелах». В 3-й том входят произведения, посвященные проблеме творения, том 4 содержит трактаты о человеке. В томах 5 и 6, по 600 страниц каждый, опубликовано главное сочинение Суареса в области права и социальной философии «О законах», в томах 7–11 под общим названием «О благодати» помещены комментарии к различным частям и фрагментам «Суммы теологии» Фомы Аквината. Последующие тома продолжают серию комментариев к «Сумме теологии». Том 12 включает трактаты «О вере»,

Формально произведения Суареса можно разделить на три «серии»:

1. Комментарии к св. Фоме — труды, написанные в форме комментариев к различным частям «Суммы теологии» и рассуждений на соответствующие этим частям и пунктам темы. К 1-й части «Суммы» (в принятых сокращениях Ia) Суарес написал трактаты «О божественной сущности и ее атрибутах», «О божественном предопределении», «О чуде пресвятой Троицы» (все три опубликованы под общим заглавием «О Боге, едином и троичном»); «Об ангелах», «О трудах шести дней», «О душе» (также помещены в одном томе под заглавием «О Боге, создателе всего сотворенного»). Ко 2-й части «Суммы» (точнее, к разделу 2 этой части — Ia Paе) относятся сочинения «О последней цели человека», «О свободной воле и безволии», «О добре и зле в человеческих деяниях», «О пороках и грехах» (опубликованы вместе в Лионе в 1628 г.); кроме того, с той же Ia Paе связаны трактат «О законах и Боге-Законодателе» и два других произведения, написанные в связи с дискуссией о божественной поддержке («De auxiliis»), в которой Суарес выступил на стороне молинистов, защищая оптимальную, с точки зрения иезуитов, свободу воли человека: «О благодати», «Об истинном понимании действенной (божественной) помощи». Части Pa Paе посвящены труды «О вере, надежде и милосердии» и четырехтомные комментарии под общим заглавием «О достоинстве и величии религии». Не осталась без внимания Суареса и 3-я часть «Суммы» — см. трактаты «О таинствах» (два тома) и «Об осуждениях».

2. Полемические богословские трактаты, написанные Суаресом «по заказу» Рима на темы наиболее серьезных религиозных споров того времени: «О церковном иммунитете, нарушенном венецианцами»¹³⁹ и «Защита католической апостольской веры против заблуждений англиканской секты». Первый трактат был направлен против

«О надежде» и «О милосердии», тома 13–16 имеют общее заглавие «О религии», тома 17–19 — «О воплощении», тома 20–22 — «О таинствах», том 23 — «Об осуждениях». В томе 24 опубликовано полемическое сочинение «Защита католической веры...». Тома 25 и 26 представляют особый интерес для тех, кого привлекает метафизика Суареса, поскольку именно в этих томах содержатся «Метафизические рассуждения». Мы, в нашей работе, будем постоянно обращаться к тексту «Рассуждений». Два последних тома, содержащих указатели к собранию сочинений, репринтно переизданы в Брюсселе в 1963 г. Заметим, что каждый том содержит предметный указатель (Index rerum), составленный самим автором, что весьма облегчает чтение трактатов.

¹³⁹ «De immunitate ecclesiastica a venetis violata». Это произведение увидело свет лишь в 1859 г., в томе неизданных произведений Суареса: Francisci Suarezii opuscula sex inedita. Bruxelles et Paris, 1859.

правительства Венецианской республики и отстаивал папские привилегии в отношениях с Венецией¹⁴⁰. Второе произведение, как мы отмечали выше, получило не только одобрение папского престола, но и «высшую оценку» британского монарха, «вразумлению» и критике которого оно и было посвящено.

3. Философские произведения. Комментарии Суареса, посвященные «Сумме теологии» Фомы, по общему признанию исследователей, имеют богатое философское содержание. Среди них особо следует выделить уже упоминавшиеся трактаты «О законах» (социальная философия и философия права) и «О душе» (используя более современные деления, можно отнести этот трактат к философско-антропологическим и психологическим произведениям). Но единственным, хотя и состоящим из пятидесяти четырех трактатов, собственно философским произведением Суареса остаются «Метафизические рассуждения».

Философия Суареса никогда не была (за исключением, быть может, начала XVII в.) сверхпопулярной, вызывавшей восторги читающей публики. Тем не менее на протяжении нескольких столетий, вплоть до наших дней, она вызывает ровный, устойчивый интерес философов и исследователей, в качестве основания для постановки фундаментальных философских вопросов предпочитающих неспешный, обстоятельный рационализм традиционной метафизики. Но если до середины XX в. философское сообщество довольствовалось изданием Вивеса, то во второй половине столетия возникла потребность в переизданиях важнейших произведений Суареса и переводах их на новые языки.

Важное начало — публикация отдельных рассуждений из «Disputationes metaphysicae» — было положено американским издательством «Маркетт юниверсити пресс»¹⁴¹. Первым в переводе на английский оно выпустило рассуждение VII «О разных родах различий» (1947)¹⁴². В последующие годы в английских переводах вы-

¹⁴⁰Интересно, что именно после этого трактата папа Павел V назвал Суареса замечательным и благочестивым теологом, что породило почетный титул «доктора превосходного и благочестивого».

¹⁴¹Отдельно в 1954 г. вышел перевод фрагмента богословского сочинения Суареса: Suarez F. The dignity and virginity of the Mother of God: Disputation I, V, VI / Translated by Richard J. O'Brien. West Baden Springs, Indiana: West Baden College, 1954.

¹⁴²Suarez F. On various kinds of distinctions (Disputationes metaphysicae, Disputatio VII, De variis distinctionum generibus) / Translation from the Latin, with an introduction by Cyril Vollert. Milwaukee, Marquette University Press, 1947.

шли: рассуждение IV «О формальном и универсальном единстве» (1964)¹⁴³; рассуждение V «Об индивидуальном единстве и его принципе» (1982)¹⁴⁴; рассуждение XXXI «О сущности конечного бытия как такового, о его бытии и о различии между ними» (1983)¹⁴⁵; рассуждения X, XI, избранные фрагменты из XXIII рассуждения и других трудов (1989)¹⁴⁶; рассуждение LIV «О сущих разума» (1995)¹⁴⁷; рассуждение XV «О формальной причине субстанции» (2000)¹⁴⁸ и рассуждения XX, XXI и XXII, посвященные соответственно проблемам творения, сохранения и совместного действия (2000)¹⁴⁹.

Следует отдать должное испанским исследователям, которые, как им, впрочем, и следовало, заняли достойное место в этом ряду (правда, не без десятилетней паузы после пышных юбилейных торжеств 1948 г.). В 1960–1966 гг. в свет вышла семитомная билингва — «Метафизические рассуждения» на испанском языке с параллельным латинским текстом. Это издание, предпринятое мадридским издательством «Гредос»¹⁵⁰, сделало метафизику Суареса более доступной и известной. Одновременно с этим «Метафизические рассуждения» на латинском языке были переизданы в Германии в 1965 г.¹⁵¹

В 60-е годы были также осуществлены переводы других трудов

¹⁴³Suarez F. On individuation: Metaphysical disputation V, individual unity and its principle / Translated from the Latin with introduction, notes, glossary, and bibliography by Jorge J. R. Gracia. Milwaukee: Marquette University Press, 1982.

¹⁴⁴Suarez F. On the essence of finite being as such, on the existence of that essence, and their distinction / Translated from Latin, with an introduction by Norman J. Wells. Milwaukee: Marquette University Press, 1983.

¹⁴⁵Suarez F. On formal and universal unity; De unitate formali et universali [by] Francisco Suarez / Translated from Latin, with introduction by J. F. Ross. Milwaukee: Marquette University Press, 1964.

¹⁴⁶Suarez F. Disputationes metaphysicae. Selections / Translation with introduction, notes, and glossary [by] Jorge J. E. Gracia, Douglas Davis. Munchen; Hamgen; Wien: Philosophia Verlag, 1989.

¹⁴⁷Suarez F. On being of reason (De entibus rationis). Metaphysical disputation LIV / Translated from the Latin with an introduction and notes by John P. Doyle. Milwaukee: Marquette University Press, 1995.

¹⁴⁸Suarez F. On the formal cause of substance: metaphysical disputation XV / Translated by John Kronen and Jeremiah Reedy. Milwaukee: Marquette University Press, 2000.

¹⁴⁹Suarez F. On creation, conservation, and concurrence: Metaphysical disputations XX, XXI and XXII / Translated by Alfred J. Freddoso. South Bend, Indiana: St. Augustine's Press, 2000.

¹⁵⁰Suarez F. Disputaciones metafisicas: Edicion y traduccion de Segio Rabade Romeo, Salvador Caballero Sanchez y Antonio Puigcerver Zanon. Madrid: Editorial Gredos, 1960–1966.

¹⁵¹Suarez F. Disputationes metaphysicae. Hildesheim: G. Olms, 1965.

Суареса. На английский язык перевели большие разделы философско-правовых и теологических трактатов¹⁵², на испанский — полностью трактаты «О защите католической веры»¹⁵³ и «О законах»¹⁵⁴. Предпринимались и издания на латыни¹⁵⁵. В 70-е годы работа была продолжена 8-томным двуязычным латинско-испанским изданием «De legibus»¹⁵⁶.

Суареса переводят и на другие европейские языки: итальянский, французский, португальский¹⁵⁷. Первый перевод Суареса на русский язык — введение к «Метафизическим рассуждениям» и 1-й раздел I рассуждения, посвященный предмету метафизики — был опубликован в 1987 г.¹⁵⁸ Затем, после десятилетнего перерыва, последовали публикации фрагментов V рассуждения (1998)¹⁵⁹, XXXI-го и других рассуждений¹⁶⁰, вставить переводы Вдовиной, а также фрагмента введения к трактату «О душе» (2001)¹⁶¹.



¹⁵² Suarez F. Selections from three works of Francisco Suarez, S. J.: De legibus ac Deo legislatore, 1612; Defensio fidei catholicae et apostolicae adversus anglicanae sectae errors, 1613; De triplici virtute theologiae fide, spe, et caritate, 1621. New York: Okena publications, 1964.

¹⁵³ Suarez F. Defensa de la fe católica y apostólica contra los errores del anglicanismo: Version Española por Jose Ramón Eguillor Muniozuren; Instituto de estudios políticos. Madrid, 1970–1971.

¹⁵⁴ Suarez F. Tratado de las leyes y de Dios legislador: En 6 vols. Madrid: Instituto de estudios políticos, 1967.

¹⁵⁵ E.g.: Suarez F. Lectiones de fide anno 1583 in Collegio Romano habitas ad fidem codicum manuscriptorum editit Carolus Deuringer / Facultad de filosofía. Universidad de Granada. Granada, 1967.

¹⁵⁶ Suarez F. Tractatus de legibus. Edición crítica bilingüe / por Luciano Perena et al. / Consejo Superior de Investigaciones Científicas. Madrid, 1971.

¹⁵⁷ E.g.: Suarez F. Disputazioni metafisiche I-III / Traduzione di Constantino Esposito. Milano: Rusconi, 1996.

¹⁵⁸ Суарес Ф. Метафизические рассуждения. Введение и I раздел первого рассуждения «О предмете первой философии» / Пер. и вступ. статья М. Р. Бургете // Историко-философский ежегодник. М., 1987.

¹⁵⁹ Суарес Ф. Метафизические рассуждения. Рассуждение V «Об индивидуальном единстве и принципе индивидуации» (фрагмент) / Пер. Т. В. Антонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1998. Вып. 2 (№ 13).

¹⁶⁰ См. список избранной библиографии (с. 266–267).

¹⁶¹ Суарес Ф. О душе. Введение (фрагмент) / Пер. Д. В. Шмонина // Verbum. Вып. 5. Образы культуры и стили мышления: иберийский опыт. СПб., 2001.



Глава 5

ПОРЯДОК МЕТАФИЗИКИ

5.1. ГЛАВНАЯ НАУКА

Наследие Суареса обладает достаточно редкой чертой — внутренним единством при обширности и многообразии входящих в него частей. Согласованность, о которой писал сам философ в упомянутом нами выше письме 1617 г., между теологией, с одной стороны, и «науками» (о бытии, о познании, о морали, о праве и т. п.), с другой стороны, на наш взгляд, обеспечивается не только христианским мировоззрением автора, но и тем философским рационализмом, которым проникнуто все его мышление. Именно поэтому мы говорим о философско-теологическом синтезе, основой которого является высшая рациональная наука — метафизика.

Заметим, что метафизика для Суареса — не описание «застывшей» «иерархии сущих»; это панорама динамичного мира, его элементов и связей с точки зрения сущности, природы, причин, смысла. Метафизика — главная наука, она «выше» и «дальше» физики (т. е. философии природы, психологии, антропологии и других наук о частных свойствах вещей). Однако «трансфизичность» этой философской науки заключается в первую очередь не в превосходстве предмета — хотя сущее, взятое в наибольшей абстракции, разумеется, является наиболее почтенным предметом, — а в превосходстве метода, которым познается предмет, а также угла, под которым он познается. Метафизика, таким образом, помимо прочего, оказывается методом, точнее, методологией рационального познания реальности. Это познание представляет собой способ согласования бытия и мышления о бытии, который исходит из оптимистической установки: разум дан человеку, чтобы познавать мир, следовательно, мир должен быть познаваемым.

Рассмотрим порядок сущего, каким его представляет автор «Метафизических рассуждений»¹. Вновь подчеркнем, что «Рассуждения»

¹ Напомним полное название этого труда: «Метафизические рассуждения, в ко-